

СМОЖЕШЬ ЛИ ТЫ ОБРЕСТИ ЛЮБОВЬ
ПОСЛЕ ТОГО, КАК ВСЁ ПОТЕРЯЕШЬ?

Микки Дотри, Рейчел Липпикотт

ОТ АВТОРОВ БЕСТСЕЛЛЕРА «В МЕТРЕ ДРУГ ОТ ДРУГА»

Рейчел Липпинкотт
Микки Дотри
Все это время
Серия «Young Adult. Бестселлеры»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57431462

*Всё это время / Микки Дотри, Рейчел Липпинкотт: Эксмо; Москва;
2021*

ISBN 978-5-04-115745-6

Аннотация

Кайл и Кимберли всегда были идеальной парой. Но в ночь выпускного девушка призналась, что решила порвать с ним. Мир Кайла рухнул в одночасье. Сначала он лишился возлюбленной, а затем попал в страшную автокатастрофу, не справившись с управлением на залитом дождем шоссе. У Кайла тяжелые травмы, Кимберли погибла. И никто не способен понять, через что ему пришлось пройти. Никто, кроме Марли.

Марли тоже потеряла близкого человека. Более того, девушка во всем винит себя. После их встречи Кайл начинает верить, что возникшие чувства смогут подарить ему надежду на новое счастье. Вот только реально ли оно, если жизнь Кайла раскололась на до и после?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	31
Глава 3	35
Глава 4	39
Глава 5	52
Глава 6	59
Глава 7	75
Глава 8	83
Глава 9	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Микки Дотри, Рейчел Липпинкотт

Всё это время

Mikki Daughtry, Rachael Lippincott

All this time

Text copyright © 2020 by Mikki Daughtry

Jacket illustration copyright © 2020 by Lisa Perrin

© Ефимова Е., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Посвящается всем, у кого когда-либо была своя
Марли.*

Никогда не отпускайте ее.
– М. Д.

Посвящается Микки.
– Р. Л.

Глава 1

Браслет с подвесками приятно оттягивает ладонь. Я уже смотрел на него миллион раз и вот снова достал и придиричливо оглядываю со всех сторон, потому что знаю: всё должно быть идеально, дабы исправить то, что нуждается в исправлении. В начале я присматривался к более изящным, тонким браслетам, вроде тех, что обычно носит Кимберли, но эта вещь затронула какие-то потаенные струны моей души; солидные, прочные серебряные звенья украшения напоминают мне наши с Ким отношения, такие же крепкие... по большей части.

Несколько месяцев назад, когда я заказал браслет, предполагалось, что это будет подарок, приуроченный к нашему выпускному, а вовсе не подношение в духе «прости, давай помиримся», но Кимберли в последнее время почти со мной не разговаривает. Отдалилась от меня. Она всегда так делает после ссоры.

Впрочем, я толком не понимаю, поругались мы или нет, так что не уверен, за что должен просить прощения.

Тяжко вздыхаю, несколько раз проверяю, нет ли кого в туалетных кабинках отеля, потом смотрю на свое отражение в зеркале.

Озабоченно хмурясь, провожу пятерней по своим непокорным каштановым волосам, чтобы они лежали аккуратно,

как любит Кимберли. После нескольких неудачных попыток мы с волосами сдаемся, и мое внимание вновь возвращается к браслету.

Поблескивающие серебряные подвески позвякивают друг о друга. Я рассматриваю украшение, и этот звук смешивается с приглушенным шумом за дверью: вчерашние старшеклассники отмечают окончание школы. Возможно, когда Кимберли увидит эту вещицу, она, наконец, объяснит, что между нами не так.

Хотя кто знает. Может, она просто поцелует меня, скажет, что любит, и дело вовсе не во мне.

Наклоняюсь, пристально разглядываю шесть крошечных подвесок – по одной на каждый год, что мы с Ким провели вместе. Мне очень повезло найти на «Этси» мастера, который согласился разработать дизайн этого браслета, ведь у меня напрочь отсутствует художественный вкус. Теперь это не просто браслет, это символ наших жизней, слившихся в одну.

Большим пальцем я нежно поглаживаю детали нашей истории, несколько подвесок подмигивают мне, когда на них падает свет.

Пара помпончиков для чирлидинга, декорированные белой и бирюзовой эмалью – точно такие помпоны держала в руках Кимберли, капитан чирлидеров, в тот вечер, когда я официально предложил ей стать моей девушкой.

Маленький золотой стакан для шампанского, вдоль его

края сверкают малюсенькие пузырьки-бриллианты – напоминание о моем тщательно продуманном предложении, сделанном несколько месяцев назад. В тот день я утащил из бара своей мамы бутылку шампанского, чтобы удивить Кимберли. В наказание мама посадила меня под домашний арест на целую вечность, но это стоило того, чтобы увидеть веселый блеск в глазах Кимберли, когда я с громким хлопком вытащил пробку.

Перекаत्याю в пальцах самую важную подвеску, размещенную в центре браслета: серебряный дневник, снабженный настоящим замочком.

Как-то раз – это было еще в средней школе – мы с Кимберли занимались у нее дома, и в какой-то момент она поднялась наверх и закрылась в ванной. Я вытащил из ее рюкзака розовый дневник и написал на трех первых чистых страницах: «Я ♥ тебя».

Обнаружив это, Кимберли ударилась в слезы, быстро сменившиеся потоком обвинений.

– Ты прочитал все мои секреты?! – кричала она, указывая на меня пальцем, а другой рукой крепко прижимала дневник к груди.

– Нет, – заверил я ее и придвинулся вместе с табуреткой ближе к Кимберли. – Просто я подумал, что это будет... Не знаю. Романтично.

И тогда она набросилась на меня. Я не сопротивлялся, позволил ей повалить себя на пол, потому что пришел в вос-

торг оттого, что ее красивое лицо так близко от моего, и в конце концов наши взгляды встретились, и недовольство исчезло из ее глаз.

– Это очень романтично, – сказала она, а потом ее губы неуверенно коснулись моих.

Наш первый поцелуй. Мой первый поцелуй.

Осторожно, чтобы не сломать, я открываю малюсенькую подвеску-дневник и переворачиваю тонкие страницы – их всего три, и на каждой красуется надпись: «Я ♥ тебя».

Улыбаюсь: пустые звенья браслета ждут, что их тоже заполнят воспоминаниями, которые мы создадим вместе. По одному на каждый год, что мы проведем в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Потом я подарю Ким новый браслет, и мы начнем заполнять и его.

Дверь туалета распахивается и гулко ударяется о закрепленный на стене стопор. Я поспешно засовываю браслет в обтянутую бархатом коробочку, и подвески позвякивают, а в туалет вваливаются ребята из баскетбольной команды. Они наперебой вопят: «Кайл, что за дела, приятель?» и «Класс 2020, малыш!» Я широко улыбаюсь им всем и убираю коробочку обратно, в карман пиджака. При этом мои пальцы задевают заткнутую за пояс фляжку с «Джеком Дэниелсом», пункт первый моего плана, согласно которому мне предстоит убедить двух своих лучших друзей улизнуть с этой организованной школой вечеринки на наше место у пруда и отпраздновать по-настоящему.

Но сначала... нужно подарить Кимберли этот браслет. Выхожу из туалета, и короткий коридор выводит меня в битком набитый бальный зал супердорогого отеля.

Я вливаюсь в людское море, прохожу под воздушными шарами белого цвета и цвета морской волны; некоторые шары уже оторвались от общей массы и теперь медленно перекатываются под сводчатым потолком. В центре зала натянут огромный баннер, надпись на нем гласит: «ПОЗДРАВЛЯЕМ ВЫПУСКНИКОВ!», с длинного полотнища свисают сотни разноцветных лент.

Шум накатывает на меня волнами, из каждого угла так и бьет взбудораженная энергия: «МЫ СДЕЛАЛИ ЭТО!» Наконец-то. Отучившись последний год, я более чем готов свалить отсюда.

Прокладываю себе путь в гомонящей толпе. Стоило лишь раз пройти по сцене во время церемонии вручения дипломов, и вся ерунда, еще утром казавшаяся такой важной, в один миг перестала иметь значение. Каким спортом ты занимался. Какие оценки получал. Кто из девушек просил тебя быть ее парой на выпускном балу, а кто не просил. Почему мистер Луис доставал тебя весь семестр.

Вдруг оказывается, что Люси Уильямс, президент класса, вовсю флиртует с Майком Диллоном, двоечником, отучившимся в десятом классе дважды, а очкарики из математического клуба мирно сидят за барной стойкой вместе с парой моих приятелей-футболистов, играющих на линии нападе-

ния, и соревнуются, кто ловчее метнет по столешнице кружку с пивом, так чтобы не пролить ни капли.

Сегодня вечером мы все одинаковые.

– Привет, Кайл.

Меня хлопают по больному плечу, чересчур сильно.

Стараясь не морщиться, поворачиваюсь и вижу Мэтта Паулсона, самого милого парня на планете, так что меня сразу охватывает чувство вины за то, что секунду назад я его ненавидел.

– Ой, извини, – говорит он, заметив, какого плеча касается его рука, и тут же ее отдергивает. – Ты слышал, осенью я еду в Бостонский колледж, буду играть в американский футбол.

– Ах да, – отвечаю я, отчаянно стараясь подавить привычную волну зависти, вскипающей в душе. Это не вина Мэтта, напоминаю я себе. – Поздравляю, старик.

– Слушай, если бы ты не руководил командой так, как руководил с самого начала сезона, меня бы даже не заметили. Ты был просто чумовым квотербеком. Если бы ты не научил меня всему, что знаешь, я бы не получил стипендию, – продолжает он и тем самым обильно, хоть и невольно, посыпает солью мою еще не зажившую рану. – Мне жаль, что так вышло...

– Всё нормально, – перебиваю я его и протягиваю ему руку, чтобы не выглядеть засранцем. – Удачи тебе в следующем году.

Выпустив ладонь Мэтта, я поворачиваюсь на сто восемь-

десять градусов и продолжаю поиски, ноги несут меня по-
дальше от Мэтта. Сейчас есть лишь один человек, которого
мне хочется видеть.

Возле бара я останавливаюсь и верчу головой, высматри-
вая Ким, окидываю взглядом толпу, но безуспешно.

– *Hors-d'oeuvre?*¹ – раздается голос рядом со мной.

Оборачиваюсь и вижу официанта, протягивающего мне
поднос с закусками – на кипенно-белой тарелке разложены
какие-то комковатые бугорки. Человек озаряет меня дежур-
ной улыбкой, которая буквально кричит: «Когда же, нако-
нец, пройдет два часа, и я смогу уйти отсюда?!»

На его рубашке я замечаю логотип «Совиной бух-
ты», единственного ресторана, расположенного относитель-
но недалеко отсюда и знаменитого своей «классной совре-
менной кухней».

По всей видимости, даже Гордон Рамзи там обедал и не
нашел ничего, к чему можно придраться.

– Почему бы и нет, – отвечаю я, одаряя официанта широ-
кой улыбкой. Беру одну комковатую штукочку и забрасы-
ваю в рот, а официант уже идет дальше, дабы предлагать за-
куску другим гостям.

Мгновенное разочарование.

Это креветка? Или резина? Почему, черт возьми, оно та-
кое нежующееся, и почему на вкус похоже на старую ветчи-
ну?

---

¹ Закуска (фр.)

Очевидно, Гордон не распробовал это комковатое мясо, чем бы оно ни было.

Быстро поглядев по сторонам, я выплевываю отвратительное нечто в черную салфетку, которой снабдил меня официант, как вдруг меня ослепляет какая-то вспышка, и от неожиданности я подсакиваю на месте.

Автоматически заслоняю глаза рукой, в которой сжимаю фальшивую креветку, и постепенно черные точки, пляшущие у меня перед глазами, рассеиваются, вместо них появляются добрые карие глаза и высокие скулы, такие же, как у меня. Мама одета в свое любимое белое платье в цветочек, ее широкая улыбка видна даже из-за мобильного телефона.

– Мама, не надо... – начинаю было я, но она уже жмет на кнопку, и меня вновь ослепляет вспышка.

– Знаешь, если уж ты собралась делать фотки, за которые мне потом будет стыдно, то хотя бы выключи вспышку. Необязательно меня ослеплять.

– О, девочки в «Инстаграме» придут в восторг от этого снимка. – Мама зловеще хихикает и, кровожадно щурясь, тычет пальцем в экран.

– Мама. Не смей это постить, – предупреждаю я, быстро протягивая руку к ее телефону.

Одной рукой обнимаю маму за плечи, а другой пытаюсь отнять у нее телефон. Тут мой взгляд падает на экран, и я вижу сделанный мамой снимок: моя физиономия перекошена от ужаса, глаза полуприкрыты, резиновая креветка цеп-

ляется за мой язык, отправляясь в черную салфетку.

Черта с два я позволю «девочкам в „Инстаграме“» это увидеть – или кому бы то ни было еще, если уж на то пошло.

Ким ни за что не забудет мне такого позора.

Мама выпускает телефон, обнимает меня, я завладеваю мобильным и поскорее удаляю изображение.

– Забудьте об этом, леди.

– Ладно. – Мама корчит обиженную рожицу, уголки ее накрашенных розовой помадой губ опускаются. – Давай, разбивай сердце своей старой матери. Оказывается, мне уже вообще ничего нельзя.

Я смеюсь, целую ее в щеку и на этот раз обнимаю по-настоящему, осторожно выгибаясь, чтобы мама не почувствовала фляжку, спрятанную у меня за поясом.

– Зато у тебя есть я, верно?

Мама картинно вздыхает.

– Полагаю. – Ее щека прижимается к моему пиджаку, и голос звучит приглушенно. – Так, – говорит она, отстраняясь, и улыбается от уха до уха. – А почему ты один? Ты еще не подарил Ким браслет?

Мое сердце учащенно колотится, как после футбольного матча.

– Жду подходящего момента, – отвечаю я и быстро оглядываю зал. – Ты ее не видела?

– Несколько минут назад они с Сэмом стояли возле террасы. – Мама кивает в сторону огромных, от пола до потолка

окон, за которыми раскинулась гигантская каменная терраса, выходящая на внутренний двор гостиницы.

Мама протягивает руки и осторожно поправляет узел моего галстука, ее губы трогает легкая улыбка. Это виндзорский узел, в конце концов, я не такой щеголь, чтобы знать еще какие-то способы завязывать галстук, кроме классического. Когда я закончил седьмой класс, мама потратила всё утро в день выпускного, изучая технику завязывания этого узла, с тем чтобы затем обучить меня этому искусству. Вечером того дня я впервые танцевал с Ким.

Мама всегда и во всём меня поддерживает.

– Ты правда думаешь, что ей понравится? – спрашиваю я. Заказывая браслет, я был в этом абсолютно уверен, но теперь...

– Несомненно. – Она нежно хлопает меня по щеке.

Приободрившись, я возвращаю ей телефон. Фатальная ошибка.

Мама хватается мобильный и быстро делает две фотографии; вспышку она так и не отключила, и у меня перед глазами опять мельтешат черные точки. Я пытаюсь сделать грозное лицо, но мама лишь невинно улыбается, морщинки вокруг ее глаз обозначаются немного сильнее, и мои насупленные брови сами собой приподнимаются, а уголки губ ползут вверх. Сегодня вечером ничто не выведет меня из равновесия, даже непрекращающиеся попытки моей матери документировать мою жизнь.

Так что я перестаю хмуриться, принимаю красивую позу для последнего фото, чтобы порадовать маму, а потом отправляюсь искать Ким. Салфетку с завернутой в нее недокреветкой я выкидываю в мусорное ведро и выхожу на террасу. Небо по ту сторону стекла темное и зловещее.

Обычно найти Кимберли не составляет труда.

В ней всегда был особый огонь, магнетизм, притягивающий людей. В школе мне обычно приходилось пробиваться через целую толпу, чтобы подойти к Ким, так что я ищу глазами самое большое скопление народа и золотистые волосы, неизменно вбирающие в себя весь свет в помещении.

Цвет ее волос не изменился с тех самых пор, как в третьем классе мы с ней не поделили последние свободные качели на детской площадке.

Я проталкиваюсь сквозь толпу, и люди расступаются, давая мне дорогу, улыбаются, подставляют ладони, чтобы я по ним хлопнул.

– В следующем году я буду скучать по статьям в спортивной колонке, Лафферти, – говорит мистер Батлер, учитель, преподававший мне основы журналистики.

Он похлопывает меня по спине, когда я прохожу мимо. Еще одно напоминание о том, что я весь год сидел на скамье и строчил статьи о матчах, вместо того чтобы принимать в них участие.

Да где же Кимберли?

Висящий под потолком зеркальный шар отражает свет во

всех направлениях, так что трудно что-либо разглядеть. Я уже готов вытащить из кармана мобильный и отправить сообщение с вопросом, как вдруг...

Нашел.

Золотистые локоны Кимберли слегка задевают плечо Сэма, когда она переступает с ноги на ногу, шелковое платье плотно обтягивает точеную фигурку. Сегодня она выглядит просто потрясающе, длинные волосы струятся по плечам, широко открытые голубые глаза сияют, накрашенные блеском губы искрятся.

Но когда я подхожу ближе, ее лицо становится серьезным, между бровей залегает знакомая складочка – так всегда происходит, когда Кимберли что-то не нравится. Такое же выражение лица было у нее неделю назад, на выпускном балу, и сегодня утром, когда нас фотографировали на церемонии вручения дипломов. Но стоило мне спросить, в чем дело, складочка исчезала, словно по мановению волшебной палочки.

Перевожу взгляд с Кимберли на Сэма – он нервно проводит пятерней по своим темным волосам.

Тут-то я и понимаю, что они наверняка говорят о Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Мои напряженные плечи расслабленно опускаются.

Нас с Ким уже зачислили, а вот Сэм всё еще ждет решения приемной комиссии. Мы с Сэмом всегда мечтали вместе играть за Калифорнийский университет в Лос-Анджеле-

се, но после выпускного бала этим мечтам пришел конец – всё из-за меня и моей травмы. Я подвел нас обоих. После того как я вышел из строя, Сэм выронил и пропустил столько мячей, что провел на скамейке запасных почти столько же времени, сколько и я. Когда его успехи в футболе сошли на нет, успеваемость тоже дала крен, а точнее, покатилась под откос. Ким долгое время помогала ему писать сочинения и в целом подтягивала по учебе, так что оставалось лишь надеяться, что ее усилия сдвинут чашу весов в его пользу.

Судя по нескольким последним неделям, Сэм определенно будет нам нужен в университете. Не только потому, что он как настоящий друг поддерживал меня весь последний год, но еще и потому, что он, словно клей, удерживает наше трио вместе. Сэм неизменно выступает в качестве голоса разума, особенно когда мы с Ким ссоримся. Именно он зачастую мирит нас, когда нам случается разругаться в пух и прах.

Если его зачислят, мы все вместе сможем учиться в университете, даже если мы с Сэмом и не будем играть в одной команде.

Однако, судя по выражению лица Ким, эти надежды, возможно, не сбудутся.

Подхожу к ним, обнимаю Ким за талию, наклоняюсь и целую ее. Она отвечает на мой поцелуй рассеянно, словно нехотя.

– Что такое? Что стряслось? – спрашиваю я, переводя взгляд с нее на Сэма и обратно.

Кимберли целует меня сама, на этот раз ее губы словно говорят: «Всё хорошо», и всё же на мои вопросы она не отвечает.

Я уже хочу задать вопрос снова, но потом отказываюсь от этой мысли. Сегодня все забывают о старых неурядицах, и мы тоже можем себе это позволить. Оставим все неприятности в прошлом. В конце концов, я пришел сюда праздновать вместе с друзьями. Оглядевшись по сторонам, я расстегиваю пиджак и демонстрирую заткнутую за пояс фляжку.

– Как вы смотрите на то, чтобы отправиться к пруду и...

Закончить фразу я не успеваю: огромная молния раскалывает небо за окнами пополам. Через несколько секунд раздастся оглушительный удар грома, стекло слегка дрожит, и мое отражение в нем трясется, взирает на меня широко открытыми глазами, но Сэм и Кимберли смотрят друг на друга.

– Не-а, старик, – говорит Сэм, указывая на небо. – Не хочу поджариться заживо в такой вечер.

– Ой, да брось, – беспечно отмахиваюсь я. По стеклу начинают барабанить первые крупные капли дождя. – Что ты сделал с моим приятелем Сэмом? Раньше тебя никогда не смущал слабый дождик. – Тыкаю его кулаком в плечо. – Помнишь тот буран после нашей победы в матче за первенство штата? Если мне не изменяет память, именно ты тогда предложил поехать. Кажется, у меня до сих пор обморожение не прошло.

Они ничего не говорят. Из-за неловкого молчания мне

становится не по себе, а кожу начинает покалывать.

– Что? – спрашиваю я, заглядывая Ким в глаза.

Она отводит взгляд и смотрит поверх моего плеча на ленты, свисающие с баннера. Я начинаю думать, что дело не в поступлении Сэма в университет.

Моя рука соскальзывает с талии Ким, я делаю шаг назад.

– Ребята, что вы недоговариваете?

– Я... – начинает Кимберли и умолкает.

Сэм отводит глаза.

Дождь по ту сторону стекла усиливается.

– Выкладывайте, – требую я и беру Ким за руку, как делал уже сотни раз.

Смотрю на ее запястье и думаю о спрятанном в кармане пиджака браслете, о страницах маленького серебряного дневника, на каждой из которых написано «Я ♥ тебя».

А потом Ким вдруг начинает ежиться – она всегда так делает перед тем, как сказать что-то, что мне не понравится. Я собираюсь с духом, она наконец-то смотрит мне прямо в глаза. Шум ливня за окнами поглощает все голоса в зале – все, кроме ее голоса. Правда в конце концов выходит наружу.

– Кайл! – кричит мне вслед Кимберли.

Капли дождя с грохотом лупят по металлическому навесу над парадным крыльцом.

«Как она могла?»

Эта мысль снова и снова бьется у меня в голове, пока я

шагаю вниз по ступенькам. Я уже протягиваю свой номерок парковщику, когда Кимберли бегом меня догоняет. Я не обращаю на нее внимания.

– Подожди, Кайл, прошу тебя! – восклицает она, касаясь моей руки.

В ту секунду, когда ее пальцы дотрагиваются до моей кожи, мне хочется прижаться к ней, но я отдергиваю руку, выхватываю у парковщика ключи и выхожу под дождь.

– Не трудись, я с первого раза понял.

Кимберли бежит за мной, пытается скормить мне объяснения, которые я, черт возьми, не желаю слушать. Если бы она действительно хотела всё объяснить, то должна была бы сделать это давным-давно, а не огорошивать меня признанием в день празднования окончания школы.

– Мне следовало поговорить с тобой раньше, но я не хотела тебя ранить...

Молния снова раскалывает небо пополам, и удар грома заглушает слова Ким. Я круто поворачиваюсь и смотрю на нее. Ее платье промокло до нитки, с волос стекает вода, мокрые пряди липнут к лицу.

– Ты не хотела меня ранить? – У меня вырывается злобный смешок. – И при этом неизвестно чем занималась у меня за спиной? Делилась секретами с моим лучшим другом...

– Сэм и мой лучший друг.

– Ты врала мне в лицо, Кимберли. Месяцами. – Я отпираю дверь своей машины и рывком ее открываю, едва не сорвав

с петель. – Считай, что тебе удалось меня ранить.

Сажусь в машину и захопываю дверь.

«Беркли». Это слово эхом отдается у меня в голове, и каждая буква – точно острый нож предательства.

«Беркли». «Беркли».

Она подала документы в другой университет и даже не сказала мне. Отправила анкету и все бумаги еще несколько месяцев назад, а сама всё это время притворялась. Делала вид, что всё хорошо, пока мы выбирали общежитие, курсы лекций, мечтали, как будем на каникулы ездить домой, хотя уже тогда она знала, что не собирается поступать в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе.

Кимберли рассказала Сэму.

Почему она не призналась мне?

Я уже готов уехать отсюда, но Ким садится на пассажирское сиденье. Мгновение я медлю, мне хочется ее выгнать, но я не могу себя заставить это сделать.

Нужно покончить с этим здесь и сейчас. «Браслет всё еще у меня в кармане».

Жму на газ, и мы выезжаем с парковки на дорогу; на повороте колеса скользят по мокрому асфальту.

– Кайл! – говорит Кимберли, пристегиваясь. – Сбавь скорость.

Включаю дворники на максимально быстрый режим, но они всё равно не успевают справляться с потоками дождя, которые изливаются на запотевшее стекло.

– Это полная бессмыслица. Мы же целый год строили планы. Ты, я и Сэм. Наши планы. – Протянув руку, я ладонью стираю с лобового стекла конденсат, чтобы хоть что-то видеть. Мои пальцы задевают маленький диско-шар, подвешенный к зеркалу заднего вида, и тот начинает бешено раскачиваться из стороны в сторону. Наверное, с точки зрения Кимберли, тут есть смысл. Мне на память приходят все те случаи, когда Ким меняла решение в последнюю минуту и бросала нас с Сэмом. Как в тот раз, когда она прогуляла собрание первокурсников и отправилась на встречу с университетскими чирлидерами, или бросила нас во время группового финала ради возможности пообщаться с выпускником, который произносил прощальную речь. Такие моменты с особой отчетливостью всплывают в памяти, когда мы ссоримся – прямо как сейчас. – Ты просто решила: «Гори оно всё огнем! Я буду делать что хочу». Ты всегда так поступаешь.

Грохочет гром, и свет вспыхнувшей в небе молнии отражается в серебристом диско-шаре, так что по всему салону машины разлетаются крошечные световые точки.

– «Что хочу»? Я никогда не делаю того, что хочу. Если бы ты просто послушал меня хоть пять секунд! – Она умолкает, когда мы проносимся мимо улицы, ведущей к моему дому. Ким оборачивается и смотрит назад. – Ты пропустил поворот!

– Я еду к пруду, – цежу я сквозь зубы.

Мне кажется, что, если мы туда доберемся, я еще смогу спасти этот вечер. Смогу спасти всё.

– Остановись. Мы туда не поедem. Пруд сейчас, наверное, как океан. Просто поворачивай обратно.

– Так, ты, значит, уже давно об этом думаешь? – спрашиваю я, игнорируя ее просьбу.

Мимо нас проносится тягач с прицепом, и нас окатывают потоки воды из-под его огромных колес. Я крепче сжимаю руль и чуть сбрасываю скорость, чтобы выровнять машину.

– Ты должна была во всём мне признаться. Ким, ты могла бы просто сказать, что хочешь поступать в Беркли, а не в Калифорнийский университет. Я же не получил стипендию за достижения в американском футболе. Мне всё равно, где мы будем учиться, главное, чтобы мы были вместе...

– Я больше не хочу быть вместе с тобой!

Мне как будто дали пощечину. Я резко поворачиваю голову, отводя взгляд от дороги, и смотрю на нее, на девушку, которую любил с третьего класса. Теперь я ее почти не узнаю.

В прошлом мы множество раз «расставались», но не так, как сейчас. Короткие, эмоциональные словесные перепалки, о которых забываешь уже на следующий день, как о легкой простуде. Ким еще никогда так со мной не разговаривала.

– Я хочу сказать... – Она осекается, ее глаза широко распахиваются, взгляд устремляется на дорогу. – Кайл!

Быстро повернув голову, я успеваю заметить пару мига-

ющих желтых фар прямо перед нами. Ударяю по тормозам, и встречная машина, не снижая скорости, пронесется мимо нас.

Я вдруг перестаю понимать, в каком направлении мы движемся.

Пытаюсь избежать столкновения с заглохшим автомобилем, стоящим точно посередине нашей полосы, колеса скользят по мокрой дороге, и я крепко сжимаю руль, стараюсь выйти из заноса. В последнюю секунду мне это удастся, и мы проносимся в каких-то дюймах от стоящего на шоссе автомобиля.

Поворачиваю к обочине и аккуратно торможу, с трудом перевожу дух.

Еще бы чуть-чуть...

– Извини. – Я глубоко вдыхаю и выдыхаю, смотрю на Кимберли. Вся бледная, дрожит, четко очерченные ключицы поднимаются и опускаются – она ловит ртом воздух.

Она не пострадала.

Чего нельзя сказать о наших отношениях.

«Я больше не хочу быть вместе с тобой!»

– Мы с тобой?... – начинаю было я, с трудом выдавливая из себя слова.

В голубых глазах Ким блестят слезы. В обычной ситуации я бы вытер ее слезы и сказал, что всё будет хорошо.

Но на этот раз я жду этих заверений от нее.

– Выслушай меня, пожалуйста, – говорит Кимберли дро-

жащим голосом.

Я киваю; после того как мы чудом избежали аварии, мой гнев испаряется, сменившись другим, более сильным чувством.

Мне страшно.

– Я слушаю.

Крепко сжимаю зубы, глядя, как Ким собирается с мыслями; моя рука сама собой тянется к карману пиджака и нащупывает коробочку с браслетом, сердце оглушительно стучит в груди.

– Я всегда была «девушкой Кайла», – наконец говорит Кимберли.

Потрясенный, я таращусь на нее. И что это значит, скажите на милость?

Она вздыхает, смотрит на меня. Подыскивает правильные слова.

– Когда ты повредил плечо...

– Дело не в моем клятом плече! – восклицаю я и бью кулаком по рулю.

Дело в нас.

– Дело именно в нем, – говорит Кимберли. В ее голосе звенит такое же разочарование, какое испытываю я. – Всё из-за него, черт возьми. У тебя было столько ожиданий, надежд, и все они должны были осуществиться.

Ее слова застают меня врасплох, достигают цели. Я морщусь – фантомная боль внезапно вгрызается мне в плечо.

Вижу, как на меня, подобно выпущенному из пушки ядру, несется здоровенный лайнмен². На его футболке номер 9, он хватает меня за руку и валит на землю. Потом... он придавливает меня своим телом, и раздаётся тошнотворный хруст: мои кости ломаются, сухожилия рвутся. Победные броски, стипендия, синяя с белым футболка, на спине которой нашито мое имя, – всё это было совсем рядом, только руку протяни.

Я лишился всего этого из-за одной-единственной игры.

– Прости, – быстро говорит Кимберли, как будто видит всё то, что за долю секунды вспомнил я. – Мне трудно представить, каково это – потерять всё, лишиться внимания людей из национальной сборной, которые ищут подающих надежды спортсменов, не получить стипендию...

Стискиваю зубы и смотрю на потоки дождя, стекающие по ветровому стеклу. Она хочет больше меня ранить?

– Почему мы об этом говорим? Это никак не связано с нашими отношениями...

– Кайл. Остановись. Послушай. – Ее голос звучит неожиданно сурово, и я умолкаю.

– Я тебя любила.

Мои внутренности превращаются в ледяной ком. «Любила». В прошедшем времени.

Проклятье.

---

² В американском футболе игрок линии нападения или линии защиты (примеч. пер.)

– Но, потеряв возможность играть, ты изменился, стал... Не знаю, – говорит она, подыскивая подходящее слово. – Испуганным. Ты боялся рисковать, боялся пробовать что-то новое, а я стала твоей опорой, как костыль для хромого. Я всегда должна была находиться рядом с тобой.

Она, наверное, шутит.

Вот, значит, как она обо мне думает? Серьезно? Выходит, я – трусливый дурак, неспособный ничего сделать самостоятельно?

Неужели всё это время она оставалась со мной из жалости?

– Прости, что стал для тебя тяжкой ношей, – говорю я и заставляю себя посмотреть на Ким. Рука инстинктивно тянется к плечу. – Прости, что тебе пришлось пропустить несколько вечеринок. Мне жаль, что Жанна и Карли поехали на Багамы, а ты чувствовала себя обязанной сидеть возле моей постели и кормить меня супом, потому что я руки не мог поднять. Но я не заставлял тебя становиться моей сиделкой, ты могла уйти в любую минуту.

– Разве? И ты бы меня отпустил? – спрашивает Кимберли, качая головой. – Видеть друг друга каждый день в школе, сидеть на одних и тех же уроках, заниматься одними и теми же привычными делами и при этом не быть вместе? Каждый раз, когда мы расставались, мы уже к концу дня вновь оказывались вместе.

Я бы ее не отпустил? Что это значит? Мы всегда воссо-

единялись, потому что хотели этого. А теперь... она заявляет мне такое?

– И что? Ты просто... притворялась?

– Я не притворялась. Просто проводила время с тобой, потому что...

Она умолкает, но я и так догадываюсь, что она имела в виду.

– Потому что знала, что мы будем учиться в разных университетах, – заканчиваю я за нее. Мне становится тошно. – И ты наконец избавишься от меня.

– Нет. – Кимберли закрывает глаза. – Я не пытаюсь от тебя избавиться, но... Я хочу узнать, какой станет моя жизнь, если, обернувшись, я не увижу тебя. – Ее голос срывается, но спина выпрямляется. Она говорит серьезно, совершенно серьезно, смотрит мне в глаза твердо и уверенно. – Я хочу быть собой, самой собой, без тебя.

Слова выбивают меня из равновесия, но я выдерживаю ее взгляд. Мы смотрим друг на друга, а дождь всё молотит по крыше машины. Давно ли чувства Кимберли изменились? Как давно она меня разлюбила?

– Кайл, ну же, – продолжает Ким мягким голосом. – Подумай об этом. Неужели тебе не хочется узнать, кто ты есть, без меня?

Остановившимся взглядом я смотрю на мигающие в темноте фары. Без нее?

Мы же Кимберли и Кайл. Она часть меня, поэтому я не

могу без нее. Она берет меня за руку, нежно сжимает пальцы, чтобы я посмотрел на нее.

Я не могу заставить себя это сделать. Смотрю на руль, двигающиеся за ветровым стеклом дворники, на зеркало заднего вида, затем взгляд мой фокусируется на маленьком диско-шаре.

Я нутром чувствую: это – мой последний шанс заставить Ким понять, показать ей, что мое будущее не связано с одним только американским футболом.

В моем будущем должна была присутствовать Кимберли. – Я знаю, кто я такой без тебя, Ким, – говорю я и тянусь к карману пиджака. Нужно показать ей браслет с подвесками, ведь это воплощение нашей жизни. Пустые звенья будут напоминать ей о нашем общем будущем. – Прежде чем ты примешь окончательное решение, пожалуйста, просто подумай обо всём, что мы...

Диско-шар вспыхивает, крошечные зеркала отражают свет фар приближающейся машины.

Потом – удар.

Мое тело швыряет вперед, ремень безопасности врежется мне в грудь, совершенно лишив меня способности дышать.

Мой разум четко фиксирует всё происходящее, хотя всё случается в один миг.

Машина кружится.

Сигналит какой-то грузовик.

Нам в глаза бьет свет фар, прямо на нас несется грузовик,

твердая стена металла.

Время словно замедляется, я смотрю на Кимберли – на ее щеках россыпь крохотных веснушек... нет, это пятнышки света, отразившегося от диско-шара; в ее глазах ужас. Она открывает рот, чтобы закричать, но я слышу лишь скрип и грохот корежащегося металла.

Потом темнота.

Глава 2

Дышать больно.

Вокруг меня яркий свет, всё расплывается, голоса и лица – просто сгустки цвета и звука. Хочется закрыть глаза, поспать, но я нахожусь в состоянии постоянного движения.

– Серьезная травма головы.

– Вдавленный перелом черепа.

Белая плитка на потолке. Писк аппаратов. Руки в перчатках касаются моей кожи.

– Кайл? Кайл. Посмотрите на меня.

Я концентрируюсь на этом голосе и вижу, что он исходит от какой-то женщины. Ее рыжие волосы собраны в растрепанный, кое-как завязанный конский хвост, отдельные пряди падают на виски. Ярко-синие глаза.

– Хорошо. Это хорошо. Я доктор Бенефилд, нейрохирург, – произносят ее губы. Я сосредоточиваю всё внимание на движении ее рта, пытаюсь понять, о чем она говорит. – Я о вас позабочусь, договорились?

Вокруг ее головы полыхает огненный нимб... нет, просто у нее рыжие волосы. Я смотрю на них, и тут рядом раздается другой голос.

– Перелом бедра и множественные разрывы...

– Он много говорит, да? – женщина подмигивает мне, как старому знакомому.

Ее синие глаза пристально изучают мой лоб, она спрашивает, какую музыку я люблю. Я начинаю рассказывать про гениального Чайлдиш Гамбино ³, и на меня наваливается страшная усталость, каждое следующее слово дается мне с колоссальным трудом.

Я пытаюсь абстрагироваться от окружающего хаоса, слушать только голос доктора. Почему-то ее невозмутимость успокаивает меня. Пронзительные голоса, писк аппаратов, оглушительный шорох одежды, которую с меня снимают, – всё меркнет. Остается только кольцо сияющего света вокруг ее головы и ее улыбка.

Я тоже начинаю улыбаться, но потом вижу...

О Господи.

В ее очках я вижу свое отражение.

Вокруг моего носа кровь. У меня дырка в черепе, кусок кожи и плоти на лбу откинут в сторону, как открытый конверт, обнажив белую кость. Треснутую белую кость. Мой череп проломлен.

Я начинаю паниковать, все звуки разом изливаются на меня, точно волна чистого страха.

– Это?... Это... мой?...

– С вами всё в порядке, – с улыбкой заверяет меня доктор.

У меня в голове не укладывается, как я могу быть в порядке, если у меня изо лба торчит кость, но лицо врача остается спокойным. Почему ее не пугает это зрелище? Она про-

---

³ Американский актер и музыкант, настоящее имя Дональд Гловер.

тягивает руку к моему лицу, и я не сразу осознаю, что она касается моего лба, моей челюсти, моих скул.

– Я не... Я ничего не чувствую. Это нормально?

На долю секунды ее улыбка меркнет, но потом я думаю, что мне просто показалось, потому что врач, всё так же уверенно улыбаясь, продолжает работу.

Я изо всех сил стараюсь не паниковать, как вдруг двойные двери позади доктора Бенефилд открываются, и в палату вкатывают еще одну каталку.

Совершенно обессиленный, я хочу закрыть глаза, но потом вижу это. С каталки свешивается прядь окровавленных светлых волос.

Нет.

Нет, нет, нет. Воспоминания обрушиваются на меня потоком. Проливной дождь. Наша с Кимберли ссора. Ремень безопасности, врезавшийся мне в грудь.

– Кимберли, – пытаюсь закричать я, но голос звучит еле слышно, веки наливаются тяжестью. Даже дышать тяжело.

– Смотри на меня, Кайл. – Это голос доктора. – В третью операционную, быстро! – обращается она к другим голосам в комнате.

Я изо всех сил борюсь с сонливостью, стараюсь не выпустить из поля зрения Кимберли, но меня вдруг куда-то перемещают, надо мной вспыхивает слепящий свет, один за другим загораются огни, всё быстрее и быстрее. Вспышка. Вспышка. Вспышка, вспышка, вспышка...

Хочется закричать: «Нет! Верните меня обратно!», но у меня нет сил оформить эту мысль в слова, а всё вокруг начинает вращаться.

Я вижу, как мимо проходит какой-то врач с ребенком на руках.

Вспышка.

Пожилая женщина катит кислородный баллон.

Вспышка.

Какая-то девушка читает книгу. Она поднимает глаза, но мы уже поворачиваем за угол.

Вспышка.

Я еще успеваю заметить идущую впереди доктора Бенедикта, полы ее белого халата развеваются, теряют очертания и превращаются в белое сияние, заполняющее весь коридор, так что в итоге не остается ничего – только ослепительный белый свет.

Глава 3

– Кайл.

На меня наплывают образы.

Расколотый диско-шар.

Пелена дождя.

Золотистые волосы Ким, спутанные и запятнанные кровью.

Потом боль. Она охватывает мой череп и распространяется по всему телу. Я впиваюсь пальцами в простыни, и постепенно волна боли немного отступает, так что мне удастся вычленить из окружающего гула один голос, зовущий меня по имени.

– Кайл?

Мама.

С трудом открываю глаза и фокусируюсь на ее лице. Вижу ее нос, рот, но образ размытый. Искаженный, как слишком сильно увеличенная фотография.

– Мама, – каркаю я.

В горле сухо, словно вместо плоти у меня там наждачная бумага.

Мама берет мою руку и сжимает.

Чувствую усталость. Как же я устал.

В поле моего зрения появляется доктор. Она светит мне в глаза какой-то штуковиной, спрашивает, что я чувствую и

чего не чувствую, затем просит следить за ее пальцем.

«Я не... Я ничего не чувствую. Так и должно быть?»

Тут-то я и начинаю паниковать. Окровавленные, спутанные волосы. Каталка. Кимберли.

– Что случилось... Ким... она?...

Врач ничего не говорит, только смотрит на какой-то предмет, который держит в руках. Планшет для бумаги. Щелкает шариковая ручка. Пометка в карте.

– Кайл, вы меня помните? Я доктор Бенефилд. У вас серьезная черепно-мозго...

Ее голос тонет в каком-то трубном звуке, таком громком, что я зажмуриваюсь, отчаянно надеясь, что этот вой прекратится.

Пытаюсь вновь открыть глаза, но чувствую одну только боль. Обжигающая боль пытается поглотить меня, и я сдаюсь.

Когда я снова просыпаюсь, то понятия не имею, как долго проспал, хотя чувствую себя немного лучше. Белая плитка на потолке, зеленовато-голубые стены больничной палаты, в углу чернеет плоский экран телевизора.

Голова болит, и я вспоминаю слова доктора Бенефилд. Поднимаю руку, касаюсь повязки, закрывающей мой лоб, и от этого движения натягивается тонкая трубка, соединяющая мое запястье с капельницей. Скосив глаза, я вижу рядом с кроватью несколько аппаратов, а потом – человека, сидя-

щего в изножье кровати.

– Сэм, – выдыхаю я.

Друг вскидывает голову и смотрит на меня. Глаза у него красные и опухшие, щеки мокрые.

Меня пронизывает ужас.

За всю свою жизнь я видел Сэма плачущим дважды. Первый раз, когда нам было по десять лет – и он сломал руку, упав с велосипеда; второй раз три года назад, когда умер любимец их семьи, золотистый ретривер Отто. Однако на этот раз мне кажется, что всё гораздо страшнее.

– Сэм?

Я не могу задать вопрос, а Сэм молчит, только смотрит своими покрасневшими глазами в окно, и по его щекам скатываются слезы.

– Сэм, – наконец говорю я. Изю всех сил пытаюсь сесть, но тело слишком слабое, и в конце концов дрожащие руки не выдерживают моего веса, я падаю на кровать. – Сэм?

Он упорно не отвечает.

У меня перед глазами танцует улыбающееся лицо Ким, и я начинаю задыхаться, страх и чувство вины сдавливают мне легкие, а в голову рикошетом ударяет новый приступ боли.

Неужели она...

Перебираю в памяти последние воспоминания, начиная с Беркли, нашей ссоры и заканчивая широко открытыми глазами Кимберли и светом фар в темноте. Когда я вспоминаю столкновение с грузовиком, то чувствую, как весь мир раз-

бивается вдребезги, боль у меня в голове всё нарастает и усиливается, пока всё тело не взрывается миллионом частиц, частиц, которые уже никогда не соберутся в прежнее единое целое.

Глава 4

Мама ведет машину, а я прижимаюсь забинтованной головой к стеклу и смотрю, как в дождевых каплях отражается свет красных сигнальных огней едущего впереди автомобиля. Прошло уже две недели, но я до сих пор не могу поверить в случившееся.

Еще недавно мне казалось, что я не переживу расставания с Кимберли, если она меня бросит, но это... Уже ничего не исправишь. Нельзя достать из кармана браслет с подвесками и скрепить наше примирение этим подарком.

Кимберли ушла навсегда. Похоронена на местном кладбище пять дней назад, а я был настолько убит горем, что не смог посетить похороны.

Когда мы приезжаем домой, я стою под дождем, прижимая к груди картонную коробку, привезенную из больницы. Внутри лежат мои ботинки, рваные лохмотья, в которые превратился костюм, и браслет с подвесками, спрятанный где-то в куче тряпья, его пустые звенья уже никогда не будут заполнены.

Дождь вдруг прекращается. Я поднимаю голову и вижу над собой открытый зонтик. Мама касается моей забинтованной головы – повязка потяжелела, промокнув под дождем – но я мягко отвожу ее руку. Не желаю ни утешения, ни заботы – всё равно мне уже ничто не поможет.

– Мне просто хочется, чтобы тебе стало лучше, – шепчет мама, ее губы почти не двигаются.

«Лучше».

Можно подумать, есть способ снова сделать меня прежним, довольным жизнью парнем. Мама озабоченно смотрит на меня, вглядывается в мое лицо, потом забирает у меня коробку и сует себе под мышку.

Мне нужно побыть одному.

Опираясь на костыли, ковыляю к дому, взбираюсь на крыльцо; в голове туман, я стараюсь не переносить вес своего тела на больную ногу – врачи собрали сломанное бедро по кусочкам и закрепили металлическим штырем. Мама помогает мне преодолеть порог, и я по-черепашьи медленно ползу в подвал, отчаянно желая, чтобы лекарство, которым меня накачали в больнице, поскорее подействовало и помогло мне провалиться в беспамятство.

Костыли стучат по полу громко и мерно, словно удары сердца.

– Я подумала, может, ты останешься здесь, – окликает меня мама. – Я передвинула для тебя диван, так что тебе не придется подниматься и спускаться по лестнице...

– Хочу быть в своей комнате, – решительно заявляю я.

Открываю дверь в подвал – я живу там с тех пор, как перешел во второй класс старшей школы – и начинаю с грохотом преодолевать одну ступеньку за другой.

У меня за спиной раздаются торопливые шаги, мама креп-

ко сжимает мое предплечье, но в следующую секунду моя нога уже касается нижней ступеньки.

– Подожди, золотце... – начинает было мама, но уже поздно.

Я включаю свет и сразу вижу крошечные дыры в тех местах, где прежде была Кимберли. С полки пропали книги, ее любимое одеяло больше не лежит на диване, даже фотографии со стены исчезли.

– Где...

Хромая, вваливаюсь в свою спальню, дрожащей рукой трогаю торчащий из стены гвоздь, на котором еще недавно висела фотография Кимберли.

– Ее родители приезжали за вещами, которые она здесь оставила. Я не ожидала их прихода...

– Они всё забрали, – говорю я, чувствуя себя так, будто меня того и гляди вырвет.

Я пропустил похороны, а теперь еще и это?

Верчу головой, осматриваюсь, надеюсь, что родители Кимберли что-то пропустили, но исчезло даже розовое зарядное устройство, которое она всегда оставляла здесь, – его выдернули из стены, словно человека отсоединили от аппарата жизнеобеспечения.

Во мне вскипает злость, клоочет всё яростнее, а потом разом испаряется, из меня как будто выкачали весь воздух. Это не родители Ким всё у меня забрали.

Это я всё отнял у Кимберли.

Именно я сидел за рулем. Я заставил Ким чувствовать себя виноватой и скрывать от меня свои настоящие желания, а теперь они уже никогда не осуществляются.

– Прости, золотце, – говорит мама, протягивая ко мне руку.

Я отшатываюсь. Выдавливаю хрипло:

– Можно мне побыть одному, мам?

Она уже открывает рот, чтобы что-то сказать, колеблется и в конце концов уходит. Поднимается по лестнице, звук ее шагов постепенно стихает, дверь за ней закрывается с тихим щелчком.

Ковыляю через всю комнату, подхожу к полке, где стоят золотые кубки и висят блестящие медали, но главное – там стоит фотография в рамке, единственная, которую родители Ким не забрали. На этом снимке я вместе с Кимберли, нас сфотографировали перед тем самым матчем: Ким вскидывает в воздух помпоны чирлидера, у нее на щеке нарисован мой номер, я обнимаю ее за талию.

Через двадцать минут моей спортивной карьере придет конец. Еще через две недели я официально стану просто Кайлом Лафферти, парнем, пишущим обзоры матчей для школьной стенгазеты, про игрока, который меня заменил.

Спустя несколько минут после того, как был сделан этот снимок, все мои мечты пойдут прахом. И всё же сейчас я готов еще сто раз сломать плечо и снова пережить крушение всех надежд – если бы это вернуло мне Кимберли.

БИП, БИП, БИП.

Я подпрыгиваю, и один костыль громко стучит об пол. Нахмурившись, оборачиваюсь на звук и вижу на прикроватной тумбочке будильник: он громко звонит.

Хромаю к столику и вижу, как красные цифры начинают мигать в такт сигналу.

Нажимаю кнопку, и на меня обрушиваются воспоминания. Мама уехала из города, а Ким просыпается рядом со мной и сонно морщится.

– Неужели кто-то еще пользуется обычным будильником? – ворчит она, натягивает простыню на золотистую макушку и прижимается ко мне. Я выключаю будильник и мгновенно забываю, что должен вместе с Сэмом идти на утреннюю пробежку – ведь Ким в моих объятиях.

Я случайно нажал не на ту кнопку, и спустя пятнадцать минут будильник зазвонил снова, громко и настойчиво. Кимберли опять проснулась, подскочила, схватила злосчастный будильник и швырнула через всю комнату. Помню, как мы хохотали и как утреннее солнце медленно поднималось за окном, золотя лицо и волосы Ким.

За всю свою жизнь я не видел ничего прекраснее. Даже сейчас я почти вижу ее...

БИП, БИП, БИП.

Наклоняюсь и выдираю вилку из розетки. Звук резко обрывается, и лицо Кимберли исчезает, как сон, рассеивающийся после пробуждения. Грудь сдавливает, я пытаюсь

снять с себя толстовку и запутываюсь в ней. Тяну, дергаю, и вот наконец ткань поддается, с моих губ срывается вздох облегчения: я стаскиваю толстовку и швыряю на спинку стула, стоящего перед письменным столом.

Осматриваю комнату, оглядываю все места, которые раньше заполняла Ким, и понимаю, что не готов к такому. До сих пор я отчаянно стремился поскорее попасть домой, снова и снова сожалел, что пропустил похороны, старался найти в себе силы покинуть больницу, в которой умерла моя девушка.

Я ни разу не подумал о том, как буду жить дальше.

Неделю спустя я открываю входную дверь, в свете утра деревянные ступеньки крыльца кажутся очень яркими и четко очерченными. С тех пор как я вернулся домой, ничего не изменилось. Дорожка, ведущая от крыльца к улице, всё такая же прямая, по обеим сторонам от нее по-прежнему растут посаженные мамой цветы, подъездная дорожка до сих пор вся в трещинах, а белый забор из штaketника отчаянно нуждается в покраске.

Всё как раньше, только я изменился.

Понедобнее пристраиваю под мышками костыли и, хромя, ковыляю по улице, дабы, по совету доктора, совершить пешую прогулку длиной в квартал. Врач сказала, движение поможет мне упорядочить мысли, поможет вернуться обратно в мир. Поможет мозгу исцелиться. К сожалению, в этом ми-

ре мне больше нет места.

Оглянуться не успеваю, как прохожу один квартал, потом второй, а затем и третий.

Вскоре я оказываюсь в городе; улицы на удивление пустынные, несмотря на теплый и солнечный летний день. Я обессилен. Сую руку в карман и понимаю, что забыл дома мобильный, но, пожалуй, это к лучшему. Всё равно на экране отобразится множество неотвеченных звонков от Сэма и извещения о полученных от него голосовых сообщениях, в которых он умоляет меня с ним поговорить, сказать, всё ли со мной хорошо.

Вообще-то мне очень плохо, так что сказать мне Сэму нечего.

Рассматриваю витрины магазинов на Мейн-стрит. Полосатые футболки, расставленные на стойках книги и букеты цветов. Каждый раз, когда я, вытягивая шею, заглядываю внутрь, я чувствую, будто что-то ищу. Вот только мне никогда не найти желаемое на пыльной полке или в темном уголке. Не представляю, зачем я вообще сюда притащился.

Утираю пот со лба, поднимаю глаза и вижу, что стою перед кафе «Мороженое у Эда»: старомодная вывеска, белая, в красной рамке, со скрипом покачивается на металлических петлях, колеблемая легким летним ветерком. Медленно, тяжело опускаюсь на один из стоящих перед кафе черных металлических стульев; даже такая короткая прогулка совершенно лишила меня сил, а один костыль, кажется, натер мне

мозоль под мышкой.

Тоскливо смотрю на стеклянную дверь кафешки: по ту сторону витает охлажденный кондиционером воздух, кажется, что дверь очень близко, но для моего покалеченного тела она слишком далеко. Не думаю, что смогу сделать еще хоть шаг, даже если попытаюсь.

Газетный заголовок: «БЫВШИЙ ЛУЧШИЙ ИГРОК ФУТБОЛЬНОЙ КОМАНДЫ, А НЫНЕ ВЫШЕДШАЯ В ТИ-РАЖ РАЗВАЛИНА, С ТРУДОМ МОЖЕТ ПРОЙТИ ПЕШКОМ ОДНУ МИЛЮ».

Кожа у меня под мышкой болезненно горит и ноет из-за набухающей мозоли.

Просто отлично. Можно подумать, мало мне сломанной ноги.

Несколько минут я сижу на черном металлическом стуле и распекаю себя на все лады, потом наконец нахожу в себе силы встать и дойти до двери. Колокольчик над дверью противно звякает, а мне в лицо ударяет волна холодного воздуха – определенно я приложил колоссальные усилия и пришел сюда не зря.

Заказываю два шарика шоколадного мороженого в рожке и по привычке сажусь возле окна. Мороженое тает у меня во рту, пока я смотрю на пустое место напротив. Сэм, Ким и я обычно везде ходили вместе, но в кафе «У Эда» мы с Кимберли неизменно сидели вдвоем. В теплые осенние дни после тренировки или в середине учебного дня я выдумывал

предлог, приходил в город и преподносил Кимберли мятное мороженое с шоколадной крошкой. Она всегда изумленно ахала и, прежде чем начать есть, фотографировала лакомство и выкладывала фото в «Инстаграм».

Теперь я понимаю, что прошло уже очень много времени с тех пор, как мы с Ким были здесь в последний раз. Интересно, что я увижу, открыв ее «Инстаграм»? Когда она в последний раз размещала там фотографию мятного мороженого?

Не помню, чтобы мы приходили сюда после того, как я повредил плечо. Ни разу. И у меня нет ни единого приемлемого объяснения такому своему поведению.

Я таращусь на пустой стул напротив, чувствуя боль и вину, вспоминаю слова Кимберли, сказанные тем злополучным вечером, и морщусь.

Поднимаю глаза, и у меня прерывается дыхание, когда я вижу девушку, работающую за прилавком. Она наклоняется над огромным холодильником, специальной лопаточкой зачерпывает сливочное мороженое, ее светлые волосы собраны в растрепанный пучок. Мои виски пронзает боль, как будто к мозгу приложили кусок льда.

Кимберли.

Затаив дыхание, я жду, когда девушка выпрямится, надеюсь увидеть высокие скулы, ослепительную улыбку, один вид которой неизменно убеждал меня в том, что жизнь прекрасна; вот, сейчас она возведет к потолку голубые глаза и спросит, на что это я уставился.

Она поднимает голову, улыбается посетителю и... это не Кимберли. Разумеется, это не Ким. У этой девушки карие глаза и очки в роговой оправе.

Я поспешно встаю со стула, пристраиваю костыли под мышками. Девушка смотрит, как я со всей возможной в моем положении скоростью тороплюсь к двери.

– Хорошего дня! – напутствует она меня, улыбаясь по-доброму и дружелюбно.

Заставляю себя улыбнуться в ответ, но уголки моего рта ноют от усилий. Даже простейшее человеческое общение дается мне тяжелее, чем наматывание кругов на футбольных тренировках. Уход из моей жизни Ким – это ежедневная, ни на секунду не прекращающаяся боль в сердце. От меня как будто откалывают по кусочку, так что в итоге я рассыплюсь в прах и исчезну.

Нужно отвлечься.

Выхожу из кафе и снова пускаюсь в нескончаемое путешествие по улицам.

Вернуться домой сейчас никак не возможно. Не могу находиться в комнате, где еще недавно висели на стенах фотографии Кимберли, не могу сидеть на диване, на котором мы с Ким устраивались в пятницу вечером и смотрели ужастики до самого рассвета. Не могу пройти мимо шкафа, в котором до сих пор лежат две пачки ее любимых чипсов «Лейс» со вкусом барбекю.

Золотистые двери стоящего на углу кинотеатра распахн-

ваются, и внутрь входит пожилой мужчина. Объемные черные буквы, размещенные на козырьке над входом, призывно манят, приглашают зайти.

Я ковыляю к билетной кассе и покупаю билет на ближайший сеанс, даже не потрудившись узнать, что именно будут показывать. Какая разница.

В зале сидят человек десять или около того – решили поискать здесь спасения от полуденной летней жары, каждый зритель устроился на большом расстоянии от соседей, но я никого не узнаю. Взгляд мой падает на юную парочку: парень с девушкой, хихикая, устраиваются в самом дальнем ряду, держатся за руки. Выбираю место так, чтобы оказаться как можно дальше от них.

Уже через минуту гаснет свет, и я равнодушно гляжу на экран, наблюдаю, как персонажи отыгрывают одну сцену за другой, но совершенно не слежу за перипетиями сюжета. Разум упорно цепляется за боль в ноге, саднящую мозоль под мышкой, тот факт, что Кимберли не сидит рядом со мной, не высказывает мне шепотом на ухо свои догадки касательно концовки фильма. Она почти всегда предугадывала, какой будет развязка, и лишала меня половины удовольствия от просмотра.

Какой-то парень, сидящий в центре моего ряда, издает утробный смешок, выдергивая меня из мрачной задумчивости; я осознаю, что безуспешно пытаюсь выпрямить ногу, а мое пребывание здесь – просто пустая трата времени.

Всё на свете – одна большая трата времени.

Схватив костыли, я переношу на них вес своего тела, поднимаюсь со скрипучего красного кресла и ухожу, по дороге выбросив почти полный стакан попкорна в мусорку.

Когда я наконец возвращаюсь домой, всё мое тело горит огнем, а футболка насквозь промокла от пота.

Стою на крыльце, моя рука сжимает дверную ручку, а грудь судорожно поднимается и опускается. Захожу внутрь.

Останавливаюсь в прихожей, заглядываю в гостиную: мама вскакивает с дивана, уголки ее губ опущены, между бровями залегла глубокая складка.

– Я так за тебя волновалась...

– Со мной всё прекрасно, – перебиваю я.

Вместо того чтобы прозвучать спокойно и уверенно, мой голос дрожит и хрипит. Это почти плач.

Деревянный пол скрипит: мама подходит ко мне и отдает мой мобильный. На экране отображается серия пропущенных звонков и непрочитанных сообщений.

– Ты ушел, не взяв свой телефон. Я не могла тебе позвонить, узнать, не случилось ли чего.

Выхватываю телефон у нее из рук, прохожу мимо, направляясь к двери в подвал, но затем взгляд мой упирается в висящую на стене фотографию. Снимок был сделан летом, вскоре после смерти папы, на фото мы с мамой: она обнимает меня, а я беззубо улыбаюсь в камеру. Вот только на этот

раз я вижу, что скрывается за ее улыбкой. Теперь это чувство мне знакомо. Потеря.

Поворачиваюсь и обнимаю маму, вдыхаю знакомый аромат ее духов.

Когда ее руки меня обнимают – те самые руки, которыми она прижимала меня к груди тем летом – я отчаянно моргаю, чтобы не разрыдаться.

Поспешно высвобождаюсь и тороплюсь к себе в комнату; дыхание вырывается из груди прерывистыми всхлипами, перед глазами стоят картинки-воспоминания о кафе-мороженом, кинотеатре, о потоках дождя, хлеставших по лобовому стеклу за секунды до аварии – всё это перемешивается, комната начинает вращаться вокруг меня. Я забираюсь в постель, сжимаюсь в позу зародыша и с головой накрываюсь одеялом. Всё осталось прежним, за исключением одного, самого важного.

Мир может жить дальше, если хочет.

Глава 5

– Кайл, проснись.

Это голос Кимберли. Пронзительная боль простреливает мне лоб, а ладони, спина и ноги покрываются испариной. Быстро протягиваю руку к лампе, щелкаю выключателем, оглядываю комнату и вижу, как на лестнице исчезает какая-то тень.

Судорожно отбрасываю одеяло и так быстро, как только могу, хромаю вверх по лестнице, распахиваю дверь. Зову:

– Кимберли! Ким!

Смотрю по сторонам, но ответом мне становится тишина, в ушах громким эхом отдается темнота.

Я ее слышу, чувствую вес ее руки на моем предплечье. Кимберли была здесь, в этом нет сомнений.

Еще я твердо уверен в том, что верить в такое – чистой воды безумие.

Хромаю по коридору, цепляясь за стену, чтобы не упасть, вхожу в гостиную, включаю свет и вижу...

Ничего.

На диване никого нет. Здесь никого нет.

Как дурак проверяю входную дверь, поворачиваю ручку вправо-влево, но замок прочно стоит на месте. Только теперь я вспоминаю, что у Ким никогда не было своего ключа.

Обессиленно перевожу дух и прижимаюсь лбом к дере-

вянной поверхности двери; в висках стучит, из-за того что я резко вскочил с кровати, в крови бушует адреналин. Пытаюсь дышать медленно, чтобы успокоиться, но из груди вырывается хриплый вздох.

Кимберли.

Она сидит на диване, завернувшись в пушистое белое одеяло. Вот она подтягивает одеяло повыше, укутывается по самые уши, рисунок на одеяле перемещается, и кажется, что синие бабочки машут крылышками, как живые. Кимберли. Совсем рядом, передо мной.

Этого не может быть, я знаю, это иллюзия. Если я ее вижу, это означает лишь одно: моя голова повреждена сильнее, чем думают врачи.

И всё же мне нужно, чтобы это видение было реальностью.

Я бросаюсь к Кимберли так стремительно, что спотыкаюсь о лежащий в коридоре коврик. Судорожно хватаюсь за стену, чтобы не упасть.

К тому времени как я наконец вновь обретаю равновесие и выпрямляюсь, Кимберли уже исчезла, на диване остались только диванные подушки.

Не спуская глаз с дивана, подхожу к креслу, сажусь и, как зачарованный, до утра смотрю на пустой диван, жду, что Ким вернется, машинально поглаживаю подлокотники.

Каждый раз, начиная задремывать, я вспоминаю, что видел Кимберли, и это знание выдергивает меня из объятий сна не хуже целой банки энергетика.

Я даже не замечаю восхода солнца, пока совсем рядом не раздастся звук маминых шагов.

– Ну, с добрым утром, – говорит она, спускаясь по лестнице.

Хлопаю глазами, смотрю вверх и вижу черные мамины брюки и блузку, ее волосы аккуратно причесаны.

Заставляю себя встать; больная нога потеряла чувствительность после целой ночи, проведенной в кресле.

Мама прислоняется к перилам и глядит на меня, приподняв бровь.

– Не хочешь объяснить?

– Я... м-м-м... – Потягиваюсь, чтобы выиграть время и придумать сносное оправдание. – Не мог уснуть.

Мама определенно на это не купилась, так что я проскальзываю мимо нее, хромя, ковыляю в подвал и скрываюсь за дверью, пока мне не задали новых вопросов.

Длинно выдыхаю, прижавшись спиной к закрытой двери. Впервые со смерти Кимберли мне есть на чем сосредоточить всё свое внимание.

Я должен снова увидеть Ким.

Следующие три ночи я дожидаюсь, когда мама уйдет наверх и ляжет спать, пробираюсь в гостиную, сажусь в кресло и смотрю на диван, вздрагивая, если мне мерещится вспышка света или малейший скрип в доме. Однако ни Кимберли, ни белое пушистое одеяло, ни синие бабочки так и не появ-

ляются.

Когда утром звонит мамин будильник, я уже практически держу глаза открытыми, оттягивая веки, не давая им опуститься, а услышав звонок, крадусь обратно в подвал, дабы избежать допроса с пристрастием.

На четвертую ночь моя голова раскалывается от боли, и с каждой секундой мне всё труднее бодрствовать. Щурясь, я смотрю на диванную подушку и пытаюсь бороться с усталостью. Ким всегда опаздывала, ей нравилось, что я покорно жду. Цепляюсь за эту единственную надежду, лишь она заставляет меня жить дальше.

Часы в прихожей тикают, только-только миновала полночь, и я кладу больную ногу на журнальный столик, чтобы устроиться немного поудобнее.

Задремываю, как мне кажется, на долю секунды, а когда открываю глаза, на диване сидит...

Моя мама, облаченная в синюю пижаму.

– А теперь не хочешь объяснить, что происходит? – спрашивает она, скрещивая руки на груди.

Ее вопрос вполне закономерен, и мне не положено сердиться, но я мгновенно выхожу из себя.

Хочу ли я объяснить, что вижу призрак своей мертвой девушки? Не особо. Чувствую себя идиотом от одной только мысли об этом, а вслух произнести такое и давно не могу. Безумие.

Тяжело сглатываю и качаю головой. Не дожидаясь даль-

нейших расспросов, встаю и хромаю по коридору к двери, ведущей в подвал.

– Кайл.

За спиной слышны тихие мамины шаги, но я закрываю дверь у нее перед носом. Я совершенно не готов объяснять другому человеку то, что не могу толком объяснить самому себе. И всё же я знаю, что видел – по крайней мере, мне так кажется.

Держась за стену, ступаю на первую ступеньку и жду, что мама уйдет. Упираюсь лбом в деревянную дверь, глаза начинают закрываться сами собой, но тихий шепот выдергивает меня из сонливости: голос доносится из-за двери.

Мама.

– Я точно так же потеряла твоего отца, – тихо говорит она. Внимательно слушаю. – Наблюдала, как он погружался в себя и угасал.

Стою очень тихо, прижав ладонь к двери, а мама продолжает говорить. В щель под дверью просачивается приглушенный свет.

– Ох, Кайл.

У мамы такой грустный голос.

Вздыхнув, я поворачиваю дверную ручку. Мама сидит на полу, прижавшись спиной к стене, и выглядит очень печальной. Чувствую себя неблагодарным чудовищем.

– Как твои старые кости? – спрашиваю, улыбаясь уголком рта. – Не болят, когда ты вот так сидишь на полу?

Мама поднимает на меня глаза, моя подначка ее совершенно не позабавила.

– Ха-ха.

Наклоняюсь и помогаю ей подняться с пола, она мягко сжимает мое предплечье.

– Ладно, твоя взяла. Сейчас лягу спать... – говорю я, подталкивая маму к лестнице. – Если и ты ляжешь.

– Я тебя люблю. Ты поправишься, – говорит она, пристально вглядывается в мое лицо, потом, очевидно, приняв решение, в последний раз сжимает мою руку и идет к лестнице.

Закрываю за собой дверь и тихо сажусь на верхнюю ступеньку лестницы, ведущей в подвал, затаив дыхание, жду, наверное, около часа. Пожалуй, мама уже заснула, и я не потревожу ее скрипом открывающейся двери или скрипом половиц под моими ногами. Проверяю свой мобильный – экран загорается и показывает 3:30 ночи. До восхода еще есть несколько часов.

Тихонько крадусь в гостиную, собираясь снова устроиться в кресле, но на диване кто-то есть, и я застываю как вкопанный.

Это моя мама: спит, сжавшись в комок, и тихо посапывает. Я беру лежащий на краю дивана плед и укрываю маму; отчего-то чувствую себя еще хуже прежнего.

На память приходят слова мамы «Ты поправишься», и мое сердце срывается в бешеный галоп. Делать нечего, я по-

вращиваюсь и плетусь обратно к двери в подвал, на ходу касаясь забинтованной головы – возможно, мой мозг оказался поражен сильнее, чем изначально думали врачи. Боюсь, что уже никогда не поправлюсь.

Боюсь, что проведу сотню ночей без сна, а место на диване так и останется пустым.

Потому что Кимберли никогда там не было.

Глава 6

Дни начинают сливаться в одну серую полосу. Сообщения остаются непрочитанными; пол устлан упаковками от фаст-фуда. Неделя превращается в другую, потом в месяц, а вскоре и лето проходит; с каждым днем солнце за моим маленьким подвальным окошком заходит всё раньше.

По утрам я не встаю с кровати. Ничего не делаю.

Просто лежу, игнорируя все попытки мамы выгнать меня из комнаты. Не хочу мучить сам себя: я знаю, что ждет меня там, снаружи.

В моей спальне два входа: дверь, ведущая наверх, и застекленные створчатые двери в противоположной стороне комнаты, выходящие на задний двор; этими двойными дверями пользовалась Кимберли, чтобы проскользнуть ко мне, после того как мама засыпала. Я мог бы пойти наверх, но тогда я увижу газон перед домом, на котором Ким делала «колесо», когда мы учились в средней школе, или кухню, где мы пекли жутковатый с виду, но очень вкусный шоколадный торт на день рождения Сэма.

А главное, не хочу давать своему мозгу пищу для фантазии, возможность обмануть меня, сыграть со мной злую шутку. Не хочу думать, что вижу Кимберли.

Мама стучит в дверь моей комнаты всё чаще, я то и дело слышу цоканье ее каблучков и умоляющий голос:

– Ты же там. Я знаю, что ты там.

Сегодня она даже дергает дверную ручку: раз, другой. Хорошо, что я запер дверь.

Чувствую, как мама стоит по ту сторону двери, хочет, чтобы я ее впустил. Ну уж нет. Еще один день перетекает в вечер. Стараюсь держать глаза открытыми как можно дольше, потому что когда я сплю, мои сны наполнены вспыхивающими диско-шарами, флуоресцентными больничными лампами, стремительно приближающимися фарами грузовика.

По крайней мере, когда я бодрствую, то могу отключиться от реальности.

Не знаю, сколько проходит времени, да это и не важно.

– Вставай. Сейчас же.

С трудом разлепляю глаза, щурюсь и вижу маму – она трясет меня за плечо. Дверь моей комнаты стоит, прислоненная к стене, – ее сняли с петель, и теперь у меня в стене зияет дыра, через которую видно остальную часть подвала. Как это я умудрился проспать такое?

– Ты немедленно встанешь с кровати и возьмешь себя в руки, – говорит мама, сбрасывая с меня одеяла. – Нам нужно поговорить.

Со стоном хватаю одеяла, снова подтягиваю к себе и зарываюсь в них.

– О чем? – ворчу я.

Мама садится в изножье кровати, ее насупленные брови образуют букву V.

Ой-ой-ой.

Серьезная мама.

С опаской смотрю на нее поверх груди одеял, опасаясь того, что она может сказать.

– Кайл, уже сентябрь на носу. Все твои друзья уезжают учиться. Сэм поступил в двухгодичный муниципальный колледж. – Она делает глубокий вдох. – Итак, Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе.

Сажусь, убираю со лба растрепанные волосы, и пальцы цепляются за выпуклый шрам на лбу. Неужели мама думает, что я куда-то поеду?

– А что насчет него?

– Знаю, вы с Кимберли хотели поехать учиться в Калифорнийский университет вместе, – говорит мама и берет меня за руку. – Но ты должен смириться с тем, что будущее будет не таким, как тебе хотелось бы.

Мой взгляд обращается к вымпелу с гербом Калифорнийского университета – Кимберли купила его и повесила на стену, и теперь голубой и желтый цвета издеваются надо мной. Будущее, которое я себе планировал, всё равно не наступило бы. Кимберли собрала бы свои вещи и начала новую жизнь в университете в Беркли.

Без меня.

Ощущаю легкий укол злости, а потом уже привычное чувство вины. Ким отдала бы что угодно, лишь бы поехать куда-то учиться. Лишь бы остаться на этой земле.

– Но это не значит, что у тебя нет будущего, – продолжает мама. – Через полторы недели ты должен уехать, и, возможно, это было бы...

– Я собираюсь взять отсрочку, – говорю я, мгновенно приняв решение. Только так можно избавиться от маминых понуканий – хотя бы на несколько месяцев. – Пропущу первые две четверти. Слишком рано.

Ей необязательно знать, что ноги моей не будет в этом университете.

Мама хлопает глазами. Такого поворота она явно не ожидала. Судя по положению ее плеч, она настроилась на скандал, но с приведенным мною аргументом не поспоришь, а я на это и рассчитывал. Так что мама кивает – наверное, довольна, что я принял хоть какое-то решение.

– Ладно. Но если ты так поступишь, тебе нужен новый план. Даже если ты пока не поедешь учиться в Калифорнийский университет, то всё равно не можешь продолжать... – Она умолкает и указывает на кучу грязной одежды, грязную посуду, переполненное мусорное ведро. – Это. Нужно чем-то заняться.

Обвожу взглядом комнату. Я не покидал ее всё лето, и это заметно, вот только у меня нет сил переживать или стыдиться из-за бардака.

– Ты всё еще жив, – говорит мама, пожимая мою руку. – И не можешь перестать жить, из-за того что Кимберли мертва. Тебе нужно жить дальше.

Длинно выдыхаю, приглаживаю пятерней сальные волосы. Уже один этот разговор меня утомляет. Я вообще не представляю, что значит «жить дальше» теперь, когда рядом нет Кимберли, поэтому заявляю начистоту:

– Даже не знаю, откуда начать.

Может, если мама скажет, чего хочет от меня, этого будет достаточно.

– Сэм хочет тебя видеть. – Она протягивает мне мобильный. Интересно, как она его достала? – Ты не разговаривал с ним несколько месяцев, и я знаю наверняка, что он тоже страдает. Почему бы не начать с этого?

Она пихает мне в руки телефон, и он сильно ударяет меня в грудь, потому что я не успел его схватить. Без тренировок мои рефлексy совсем атрофировались. На экране отображается множество пропущенных звонков и непрочитанных сообщений, преимущественно от Сэма, и еще несколько от ребят, с которыми я играл в футбол на протяжении нескольких лет, хотя они написали всего пару раз, сразу после аварии, но, не получив ответа, бросили это дело.

Один Сэм всё еще не оставил попыток выйти со мной на связь.

Я медленно пролистываю его сообщения, смотрю, как послания типа: «Привет, старик, как дела?» сменяются вопросами вроде: «Чувак, уже почти два месяца от тебя ни слуху ни духу. Позвони мне. Я за тебя волнуюсь».

Не знаю, как буду смотреть Сэму в глаза после того, что

произошло. Неужели он хочет меня видеть? Даже если мы увидимся, наша встреча станет лишь еще одним болезненным воспоминанием о том, что наше трио – больше не трио.

– Ты не сможешь отмахиваться от него вечно, – говорит мама, словно прочитав мои мысли.

Она дважды хлопает меня по ноге и встает.

– А теперь позвони Сэму и поднимайся. Отправляйся в магазин – я больше не стану покупать тебе еду, – добавляет она, направляясь к двери. – Может, если ты как следует проголодаешься, то выйдешь наконец из своей берлоги и присоединишься к миру живых.

У меня громко урчит в животе.

Предательский желудок.

К тому времени как я доползаю до «Забегай и покупай», пот уже льет с меня градом. Джинсы раздражают кожу, успевшую привыкнуть к мягким фланелевым штанам. Я добирался сюда почти час, прихрамывая, ковылял по тротуару вдоль улицы, идущей мимо моей старшей школы и библиотеки; от усталости нога трясется и подгибается – сказывается отсутствие физических нагрузок, назначенных мне врачом, ведь я благополучно о них позабыл.

Мама словно невзначай оставила запасной ключ на кухонном столе, но я ни за что и никогда больше не сяду за руль.

Стараюсь не смотреть на витрины магазинов: все они напоминают мне о Ким. Китайский ресторанчик, где мы всегда

отмечали окончание учебного года (Сэм неизменно сжирал всю лапшу ло-мейн). Кофейня, в которой Ким покупала латте за семь долларов с овсяным молоком, утверждая, что «оно вкуснее настоящего». Парикмахерская на углу: там Ким делала мелирование, пока мы с Сэмом сидели в зале ожидания и смотрели футбол в своих мобильных телефонах.

Итак, я старательно смотрю себе под ноги, пока передо мной не открываются двери «Забегай и покупай», а в лицо мне не ударяет волна охлажденного воздуха. Хватаю тележку, с облегчением переносу на нее часть своего веса, брожу по рядам, время от времени кидаю в тележку продукты и жую луковые колечки, благо прихватил пачку со стенда у входа.

Молоко, яйца, хлеб. Беру пару упаковок мини-пицц, потому что мама не уточняла, чем именно я должен питаться, а микроволновка в моей комнате стоит не просто так.

Специально, чтобы разогревать пиццу.

Когда я иду домой с двумя пакетами, солнце уже почти опустилось к горизонту; небо окрашивается в оранжевый и розовый цвета, медленно переходящие в фиолетовый. Похоже, я пробыл в магазине дольше, чем думал.

Вдруг грохочет гром – раскатистый, громкий, ритмичный.

В первую секунду я вздрагиваю, на память снова приходят события того вечера, но потом поворачиваю голову и вижу, что футбольный стадион старшей школы Эмброуз ярко освещен, а парковка перед ним забита машинами.

Это не гром, а барабаны.

С трибун доносятся радостные крики, которые почти заглушают барабанный бой музыкальной группы. Сегодня вечер пятницы, один из первых в этом году футбольных матчей в самом разгаре. Я машинально сую сумки с продуктами под мышку и схожу с тротуара: огни и веселые крики толпы притягивают меня магнитом, и вскоре я уже сижу на одной из холодных металлических скамей.

Делаю глубокий вдох. Всё вокруг кажется странным и... правильным впервые за долгое время. Толпа вокруг. Синие-зеленая с белым форма игроков на поле. Тренер свистит в свисток, висящий у него на шее.

Несколько игроков-старшекласников из школы Эмброуз сидят на скамье, смеются, перешучиваются и подталкивают друг друга локтями. Вот один вскакивает и начинает пританцовывать – прямо как Сэм перед игрой – в то время как другой футболист украдкой вытаскивает несколько чипсов из стоящей у его ног сумки, пока все остальные отвлеклись. До чего же похоже на Сэма.

Когда мы только перешли в старшую школу и постоянно были на вторых ролях, то прятали закуски в шлемах, а потом незаметно жевали, пока тренер инструктировал игроков. Как-то раз я убедил Сэма, что пора нам переходить на более здоровую пищу, и вместо печенья мы запаслись арахисом. Разумеется, именно в тот раз Лукас Макдауэлл, запасной игрок-старшекласник, решил заложить нас в конце третьего

периода.

Тренер заставил нас пробежать столько кругов по стадиону, сколько орешков осталось в пакете.

В тот день у меня чуть не отказало легкое. Вдобавок потом еще пришлось выслушивать нытье Сэма, дескать, не пришлось бы наматывать двенадцать кругов, придерживайся мы, как раньше, печенья, потому что к концу третьего периода никакого печенья в пакете не осталось бы.

Улыбаюсь и продолжаю наблюдать за игрой. Незаметно для самого себя я смешиваюсь с толпой в лучшем смысле этого слова: радостно кричу, когда наша команда, применив обманный маневр, ловко забивает первый гол, и когда наши соперники по-глупому упускают возможность вырваться вперед.

Взгляд мой цепляется за яркую форму чирлидеров: они выстроились на беговых дорожках перед трибунами, их синне-зеленые с белым помпоны движутся синхронно. Когда одна из девушек, блондинка, высоко подпрыгивает, я поспешно отвожу глаза, пока разум не сыграл со мной злую шутку.

Чтобы отвлечься, начинаю следить за квотербеком: тот выкрикивает команды другим игрокам. Я смотрю, как спортсмены рассредотачиваются по полю, и замечаю, что защитник стоит не на том месте, где надо, так что остается достаточно широкий разрыв, в котором оборону нашей команды легко можно прорвать. О нет. Хочу закричать квотербеку: «Осторожно!», но не могу издать ни звука.

Центровой бросает мяч. Я хватаюсь за скамью: нападающие команды противника бросаются вперед. Квотербек вскидывает руку, чтобы метнуть мяч, и в эту самую секунду защитники его атакуют. Мелькают красные футболки, и здоровенный футболист под номером 9 прорывается в брешь.

Всё словно замедляется. Ужас сдавливает мне грудь, но я не могу отвести глаза. Как знакомо. Слишком знакомо.

Защитник на поле замирает, осознав свою ошибку, потом прыгает, пытаясь защитить своего квотербека, но уже слишком поздно. Номер 9 уже там, от цели его отделяет только воздух.

Я неловко поднимаюсь на ноги, а мяч выпадает из руки квотербека, он падает, намертво придавленный к земле весом номера 9.

Стадион сотрясается от его пронзительного крика.

От сочувствия мое плечо простреливает болью, я смотрю, как защитник зовет на помощь, квотербек корчится на земле, его рука согнута под неестественным углом. На поле выбегает тренер и срывает с квотербека шлем, так что становятся видны растрепанные каштановые волосы этого парня и... О Боже.

Вытаращив глаза, я смотрю на самого себя. Это же я лежу там, согнувшись пополам от боли.

Чувствую рвотный позыв, с трудом сглатываю горькую слюну. Это всё происходит не по-настоящему.

Защитник падает на траву, срывает с головы шлем. Это

Сэм. Нашу оборону прорвали из-за Сэма.

Даже с трибуны я вижу панику на лице своего лучшего друга.

Больная нога дрожит и подгибается, не в силах удерживать мой вес. Я падаю на скамью, а прямо у меня перед глазами повторяется один из худших моментов моей жизни. Как такое возможно? Мозг снова меня дурит, не иначе. От одной только этой мысли я начинаю успокаиваться.

«Это не по-настоящему. Это просто галлюцинация, только и всего».

– Ты сильнее, чем думаешь, Кайл, ты справишься. – Раздается голос рядом со мной.

Я замираю, потом медленно поворачиваю голову.

Боже мой, она здесь. На скамье позади меня сидит Кимберли: взгляд устремлен вперед, прикован к полю, кожа у нее гладкая, как фарфор, вся светится под яркими огнями стадиона. Крепко зажмуриваюсь, ожидая, что морок рассеется, стоит мне открыть глаза, но Кимберли не исчезает.

– Тебя здесь нет, – шепчу я.

– Я и не уходила, – говорит она, поворачивается и смотрит на меня. Огни прожекторов освещают ее лицо целиком. Вся вторая половина ее лица покрыта кровью и порезами, кровь запеклась в волосах. Кимберли тянется ко мне, накрывает мою руку своей, и ничто ее не останавливает. Я чувствую ее прикосновение. Однако окружающие, похоже, ничего не замечают.

– Тебя здесь нет. – Вырываю руку и вскакиваю, пачусь, чтобы оказаться как можно дальше от нее. – Тебя здесь нет! Тебя здесь нет, черт возьми!

– Какого черта? – говорит кто-то, выталкивая меня в реальность.

В мгновение ока Ким превращается в кудрявого парня на пару лет моложе меня, с физиономией, разрисованной сине-зелёным и белым.

– Я-то здесь, чувак, – говорит он, отодвигается и меряет меня неприязненным взглядом. – А вот тебе, возможно, нужно быть в другом месте.

Проклятие.

Что только что произошло? Что со мной не так?

Хватаю свои уже начавшие размораживаться покупки и сматываюсь со стадиона так быстро, как только позволяет моя сломанная нога.

Когда я открываю входную дверь, моя голова уже горит огнем. Бросаю сумки с продуктами в прихожей и бегу напрямиком в ванную.

Хватаюсь за край раковины, делаю глубокий вдох, чувствуя под пальцами твердый, гладкий мрамор.

– Она вовсе тебя не преследует. Это всё у тебя в голове, идиот, – говорю я своему отражению.

Попадаюсь вперед и рассматриваю свой шрам, длинную красную полосу с неровными краями: рубец до сих пор вос-

пален. Дотрагиваюсь до шрама – заживающая кожа очень нежная – и гадаю, что же сломалось у меня в черепушке.

Это может быть что угодно.

Опускаю руку и снова хватаюсь за край раковины, крепко сжимаю пальцы. Перевожу взгляд с отражающегося в зеркале шрама на свои глаза, всматриваюсь в расширенные зрачки.

– Кайл? – Раздается голос у меня за спиной.

Подскакиваю как ошпаренный.

Сдвигаюсь чуть вбок и смотрю на отражение моей мамы: она всё еще в одежде, в которой ездила на работу, глаза усталые, встревоженные.

– С тобой всё в порядке?

Я не отвечаю, и тогда мама хватается меня за руку, тащит за собой в коридор, а оттуда – в гостиную. Она усаживает меня на диван, и я наконец выкладываю всю правду.

– Мне постоянно мерещится Кимберли, – признаюсь я, морально готовясь увидеть на лице мамы жалость. – Она сидела на этом диване, я видел ее в кафе-мороженом и сегодня на стадионе. Знаю, она ненастоящая... можешь мне это не объяснять, но, мама... Она прямо как живая. И я чувствую, что Ким является мне, потому что это из-за меня она...

Мама сжимает мою руку, заставляя меня умолкнуть, однако произнесенные мною слова тяжело повисают в воздухе.

– Кайл, в случившемся нет твоей вины, – заверяет она меня спокойным, уверенным голосом. – Ты ни в чем не вино-

ват. Скоро тебе станет лучше.

Я ей не верю, но, по крайней мере, она не смотрит на меня как на безумца или полного идиота – какое облегчение. После того как я признался, мне сразу становится легче дышать.

– А разве я заслуживаю того, чтобы мне стало лучше? – На последнем слове мой голос срывается, я тяжело сглатываю, отчаянно пытаюсь взять себя в руки.

Мама сжимает мое лицо в ладонях, большими пальцами мягко поглаживает щеки.

– Тебе станет лучше. Требуется время, чтобы поправиться и найти в себе силы жить дальше. Речь не только о телесном здоровье. – Она глубоко вздыхает. – Когда твой отец умер, мне пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы быть для тебя лучшей матерью.

Мои воспоминания о том времени обрывочны и размыты, потому что я тогда только-только пошел в детский сад. Сейчас я стремительно превращаюсь в развалину, а мама в прошлом преодолевала всё в одиночку, да к тому же заботилась о ребенке.

– Как тебе это удалось, мама? – спрашиваю я. – Тем вечером Ким сказала, что без нее я не умею быть собой, и теперь я начинаю думать, что она была права.

– Я всё еще в середине пути, делаю шаг за шагом, – отвечает она. – Всегда вперед, ни в коем случае не оглядываться назад. И ты сможешь. – Взгляд ее становится серьезным,

я еще никогда не видел у нее такого выражения лица. Она протягивает руки, обнимает меня и утыкается лицом мне в шею, так что следующие ее слова звучат приглушенно: – Ты будешь бороться и вернешься.

«Всегда вперед, ни в коем случае не оглядываться назад».

Я думаю об этом, пока разбираю продукты, тайком проношу к себе в комнату упаковки мини-пицц и прячу их в мини-холодильник. Мама сказала, что я буду бороться и вернусь, но до сих пор мне никогда не приходилось бороться в одиночку. Травма плеча, нервотрепка из-за матчей, трудности с учебой – через всё это я прошел благодаря поддержке Ким.

Тем вечером Ким сказала мне, что я смогу жить и без нее.

Вот только она не сказала, как именно мне это сделать.

Беру фотографию, на которой мы вместе стоим перед матчем, сажусь на кровать. Кимберли на фото ослепительно мне улыбается.

Я всегда двигался вперед с помощью Ким. Мы вместе записались на курсы Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, у нас всегда было одинаковое расписание, хотя из нас двоих только она успела выбрать себе специализацию. Раньше я думал, что еще успею определиться, понять, чего мне хочется, а Ким всегда будет рядом и поможет.

Если подумать, у меня самого не было никакого плана, скорее, я составлял план, рассчитанный на нас двоих.

Даже если мне удалось бы придумать такой план для себя,

я не смогу двигаться вперед, если меня будет преследовать призрак моей девушки.

Бывшей девушки, напоминаю я себе, и мне тут же становится хуже. Как будто я не имею права скорбеть, могу только винить себя. Даже при мысли о том, что призрак Ким будет меня преследовать, я чувствую себя скотиной. Она не захотела быть со мной при жизни и поэтому теперь является мне повсюду? Я запикиваю фотографию под кровать, понимая, что есть лишь одно возможное объяснение случившегося сегодня вечером.

Только оно имеет смысл.

Возможно, я просто схожу с ума.

Возможно, именно этого я и заслуживаю.

Глава 7

В понедельник утром я первым делом спрашиваю доктора Бенефилд:

– Итак? Я свихнулся?

На прием меня записала мама, чтобы доказать, что я не сумасшедший.

Врач выключает фонарик в форме ручки, убирает в карман и качает головой, глядя на меня с веселой улыбкой.

– Нет. Вы пережили тяжелую утрату, и последствия для вашего организма могут проявляться весьма неожиданным образом.

– Например, я буду видеть призрак Кимберли?

– Например... вы можете видеть то, что вам хочется увидеть, – уточняет доктор Бенефилд и протягивает мне свой айпад. На экране устройства отображаются снимки МРТ моего мозга. – Смотрите.

Она пролистывает несколько изображений, демонстрируя сначала здоровый мозг, а потом – сканы моего мозга, попутно объясняя, как именно я «почти в норме». Мама вытягивает шею, чтобы лучше рассмотреть снимки, но я почти не смотрю.

– Человеческий мозг – великолепная машина, – добавляет доктор Бенефилд, закрывая айпад. – Он делает всё возможное, чтобы защититься от боли, вне зависимости от то-

го, физическая она или душевная. Пока вы нездоровы, всё происходящее с вами вполне нормально. Понимаете?

«Защититься от боли». Каким образом я буду защищен от боли, изо дня в день видя свою мертвую девушку?

Врач выжидательно смотрит на меня, так что приходится послушно кивнуть, потом достает бланк для назначений, ручку, записывает какие-то рекомендации, отрывает листок и протягивает мне.

Я забираю у нее бумагу и вглядываюсь в нечитаемый почерк. Ожидаю увидеть какой-то диагноз, названия выписанных мне лекарств, но вместо этого читаю следующую фразу: «Успокойтесь. Это всё не по-настоящему».

Отлично.

– Кайл, – говорит доктор Бенефилд. Я поднимаю глаза и встречаю ее деловой взгляд. – Видения, которые вас посещают, ненастоящие. Помните об этом, хорошо? Когда вы будете готовы, они пройдут сами собой, обещаю. Но пока вы их видите, следуйте моим предписаниям. Прочитайте назначение, запомните и поверьте мне.

Я киваю, однако слова врача меня не убедили. Видения пройдут сами собой? Что со мной будет, если даже этот, слабый образ Ким исчезнет? Когда я ее вижу, то чувствую себя сумасшедшим, и это очень неприятно, но всё же я ее вижу. И я не готов ее потерять.

После того как мы возвращаемся домой, мама отправля-

ется на работу, а я насыпаю себе полную миску хлопьев «Лаки Чармс» и устраиваюсь за столом в кухне. Сначала тишину нарушает только хруст пережевываемых хлопьев, но потом я вдруг готов поклясться, что слышу приглушенный голос, только не могу разобрать слова. Перестаю жевать, не донеся ложку до рта, усиленно прислушиваюсь.

– Мама?

Мой голос эхом раздается в пустом доме.

Может, она что-то забыла? Я напрягаю слух и понимаю, что звук идет откуда-то снизу. Из моего кармана.

Вытаскиваю телефон из кармана, и из динамиков раздается треск и приглушенный голос. Ой, похоже, я своей задницей нажал на кнопку. Подношу телефон к уху.

«...Сэм, – говорит голос, слова наконец-то становятся четкими. Я открываю рот, намереваясь ответить, но Сэм продолжает говорить. Это сообщение голосовой почты. – Не знаю, услышишь ли ты это, но я должен тебе сказать. Мне страшно. И не вздумай смеяться, осел, я серьезно. Ты нас пугаешь».

Голосовое сообщение прерывается, экран загорается, показывая вереницу непрочитанных эсэмэсок и пропущенных звонков.

Я смотрю на зажатый в руке телефон, мой большой палец зависает над зеленой кнопкой вызова, но секунды идут, и экран гаснет. Тяжело сглатываю, потом засовываю мобильный обратно в карман.

Доедаю хлопья, убираю беспорядок в подвале, набиваю целый пакет пустыми упаковками и обертками от еды, перемываю все грязные тарелки и чашки, расставленные вокруг моей постели, и наконец, переделав все мыслимые и немыслимые дела, набираюсь смелости позвонить Сэму.

Гудки в трубке тянутся так долго, что я уже начинаю сомневаться, ответит ли Сэм, после того как я несколько месяцев его игнорировал.

Но это же Сэм, поэтому он всё-таки отвечает на звонок, хоть я этого и не заслуживаю.

Сэм делает глоток виски, потом с удивленным видом рассматривает фляжку. Я наблюдаю за ним, отмечая темные круги под глазами и легкую щетину – прежде я никогда не видел Сэма таким.

В другое время я бы поддразнил его, обвинив в неряшливости, но с тех пор, как он приехал сюда пятнадцать минут назад, я услышал от него всего пару односложных ответов, что бы я ни говорил.

После целого лета, проведенного в одиночестве, мое умение поддерживать беседу почти свелось к нулю.

– Что... м-м-м... подтолкнуло тебя приехать сюда? – спрашиваю, кивая на сине-зеленую с белым футболку, в которую одет Сэм. Футболка муниципального колледжа. Я знаю, что Сэм подавал документы в несколько государственных колледжей, но понятия не имею, на каком он в итоге остановился.

Сэм смотрит на меня, выгнув бровь, и я замечаю нечто такое, с чем сталкивался всего несколько раз за всё время нашей дружбы.

Сэм рассержен.

– В последнее время моя жизнь мало походила на сказку, старик. Один мой лучший друг умер, а другой скрывается от мира, – говорит он. Уже через секунду выражение его лица смягчается. – Я понятия не имел, что с тобой происходит, так что приходилось постоянно звонить твоей маме.

Я делаю большой глоток виски, алкоголь обжигает горло, но благодаря ему мне проще произнести следующие слова.

– Прости меня, Сэм.

Мне действительно жаль, но я боюсь, что он мне не поверит.

– Знаю, я был отвратительным другом, но я просто... не мог. Не мог находиться рядом с тобой. Иногда я думаю, что до сих пор не могу.

Я чувствую на себе оценивающий взгляд Сэма.

– Выглядишь паршиво, – говорит он наконец, указывая на мою мятую рубашку, отросшие волосы и кудрявую бородку.

Пожимаю плечами: по правде говоря, мне плевать на свой внешний вид. Кимберли нет рядом, она не увидит меня таким. Она постоянно твердила, что я выгляжу как животное, если я надевал толстовки, напоминала, что помимо спортивного костюма существует и другая одежда. Какое теперь имеет значение, стану ли я бриться, стричься и надевать чистую

одежду? Какое это имело значение в прошлом, если в итоге я всё равно оказался в нынешнем положении?

– Итак. – Сэм вздыхает, и, кажется, с этим вздохом исчезают остатки его злости. – Я рад, что не потерял еще и тебя, хоть сейчас ты и выглядишь как бездомный бродяга.

Он откручивает крышку фляжки, наливает себе в стакан еще виски, широко улыбается и кивает на фляжку.

– Как тебе удалось протащить эту штуку через «таможню»?

– Нашел ее в сумке с вещами, привезенными из больницы, – отвечаю я, кивая на дверь кладовки, в которую мама сложила мои окровавленные и порванные вещи. – Должно быть, мама ее не заметила.

Я знаю, что можно улизнуть от серьезного разговора, свети всю беседу к болтовне о виски и прочей чепухе, но в ушах всё еще звучат слова Сэма, и что-то в них меня тревожит.

– Ты рад, что не потерял еще и меня, – повторяю я, качая головой. Смотрю на серые диванные подушки. – Порой я жалею, что не погиб вместо Кимберли. Иногда мне кажется, что она вот-вот войдет в эту дверь. Жду, что всё снова станет, как раньше.

Взгляд Сэма становится серьезным: примерно с таким выражением лица он выслушивал указания тренера перед серьезными матчами.

– Я тоже, – твердо говорит он. – Именно поэтому мы не можем ее забыть. Нам нужно держаться вместе, потому что

только так нам удастся сохранить память о ней. Кимберли хотела бы этого.

Чего хотела Кимберли? Раньше я думал, что знаю все ее желания и мечты, но я ошибался. А вот Сэм действительно знал.

Я думаю обо всех разговорах, которые эти двое вели за моей спиной, о том, что Сэм знал об истинных чувствах Кимберли, о ее подлинных стремлениях.

– Давно ты узнал? – спрашиваю я. – Про Беркли?

Сэм отвечает не сразу, качает головой.

– Прости. Мне следовало тебе рассказать.

– Ага, – просто говорю я, но думаю о словах Ким, сказанных за несколько минут до аварии. О том, что она поступает в Беркли. «И ты бы меня отпустил?»

Неужели Сэм думал так же?

Друг наблюдает за мной, потом, поняв, что я не буду скандалить, продолжает:

– Знаю, тот вечер был просто ужасным, но Ким тебя любила, и ты должен об этом помнить.

Я взвешиваю эти слова, и они кружат мне голову сильнее алкоголя. Прошедшее время в слове «любила» ранит так же сильно, как в тот вечер, и сейчас я не готов с этим смириться.

Сэм сидит у меня недолго. Мы переходим на более безопасные темы, говорим о его планах на этот семестр, о приближающемся футбольном сезоне в Калифорнийском университете, несмотря на то, что я не буду участвовать в мат-

чах.

Потом Сэм уходит, и я обещаю, что больше не буду таким засранцем и буду отвечать на его сообщения.

Но через несколько минут после того, как за Сэмом закрывается дверь, я снова ее открываю и выхожу наружу, вдыхаю прохладный августовский воздух. Я не сразу осознаю, что иду к пруду, зажав в руке наполовину пустую фляжку с виски, хромая, шагаю по парковой дорожке. Сажусь у воды, в тени одной из огромных ив, и смотрю, как солнечные лучи искрятся на поверхности воды.

Легкий ветерок взъерошивает мои волосы, и в нем слышится какой-то голос. Шепот. Слова слишком тихие, я не могу их разобрать.

Оглядываюсь по сторонам, пытаюсь найти источник звука, но на этот раз меня совершенно не удивляет, что поблизости никого нет – только зеленая трава вокруг пруда да растущие вдоль берега деревья – а еще ощущение, от которого я никак не могу избавиться. У меня не выходят из головы слова Сэма, они звучат снова и снова, как будто я бегаю по кругу, получив наказание за пакет контрабандных орешков.

Я не боюсь забыть Кимберли. Я никогда ее не забуду, но как, скажите на милость, понять, чего она от меня хотела? Разве можно существовать без нее?

Загадочный голос смолкает вместе с ветром, я провожу пятерней по волосам, гадая, как мне жить самостоятельно, если я не чувствую твердой почвы под ногами.

Глава 8

Я смотрю на свое отражение в зеркале в ванной, заправляю новую белую рубашку в брюки и в последний раз оглядываю себя.

Волосы по-прежнему длинные и растрепанные, но с отросшей за три месяца бородкой покончено, а новый лосьон после бритья, который я купил перед выпускным, наконец-то был пущен в дело. Шрам на лбу немного побледнел, стал не таким заметным – просто розовая полоса.

Не сказал бы, что хорошо выгляжу, но, во всяком случае, я старался улучшить свой внешний вид.

Вдобавок не хочу идти к Кимберли как человек, «никогда не слышавший о существовании душа».

Улыбаюсь, вспомнив торжественный банкет в честь спортсменов, устроенный в конце первого года в старшей школе. Я заявился на него прямо с футбольной тренировки, на которой мы с Сэмом изрядно пропотели. Прежде чем я успел зайти в зал, Ким хорошенько меня пропесочила, потом достала из сумочки расческу и причесала мои волосы так, как умела делать только она одна.

Вот так всегда: одно воспоминание мгновенно заставляет меня остановиться и замереть.

И всё же на прошлой неделе Сэм был прав. Нужно пойти и увидеться с Кимберли, нельзя позволить ей думать, будто

я ее забыл.

Вздыхнув, выхожу из ванной обратно в комнату, моя решимость перерастает в неуверенность, рука замирает над букетом ирисов: фиолетовые лепестки кажутся слишком яркими для такого тяжелого дня.

Готов ли я к этому?

Размышляю о том дне несколько недель назад, когда мама сняла с петель дверь моей комнаты. Думаю, с тех пор я стал в каком-то смысле сильнее: начал ходить на лечебную физкультуру, отвечаю на сообщения Сэма, вместо того чтобы их игнорировать. Не схожу с ума всякий раз, когда вижу Ким, сидящую на стуле или стоящую в противоположном конце комнаты и во всех остальных местах, в которых ее не должно быть.

Но сегодня я на самом деле собираюсь ее увидеть. Пойду на кладбище, встану перед надгробием, на котором начертано ее имя, и изо всех сил попытаюсь понять, что она хотела бы, чтобы я сделал.

И вот момент настал, а я готов обделаться от страха. Желудок проваливается куда-то вниз – примерно так я чувствовал себя, когда Ким решила явиться мне на стадионе во время матча по американскому футболу пару недель назад. Что случится, когда я на самом деле ее увижу?

В смысле... можно ведь и завтра сходить. Или на следующей неделе. После того как мама вернется домой, можно позвонить Сэму и... всё отложить. Я просто отложу эту по-

ездку.

– Не будь таким трусом, Кайл, – бормочу я себе под нос, иду к лестнице и выхожу за дверь, надеясь, что долгая дорога до кладбища поможет мне взять себя в руки.

Разумеется, именно сегодня я никак не могу успокоиться.

Не успеваю опомниться, как передо мной уже вырастают кованые ворота, высокие деревья отбрасывают тень на море надгробий. Медленно иду по дорожке, рассматриваю каждый могильный камень, всячески оттягивая момент, когда нужно будет остановиться перед могилой Кимберли. Матери, отцы, сыновья, дедушки и бабушки. Даже дети.

Проклятье, я не хочу здесь быть.

Некоторые могилы ухожены, на них лежат свежие цветы, безделушки, принесенные друзьями и любимыми тех, кто спит в холодной земле.

Другие могилы заросли травой: не осталось никого, кто мог бы за ними присматривать.

Как выглядит могила Ким? Уверен, она очень ухоженная. Пусть сам я наплевал на свой внешний вид, мне было бы больно видеть, что место последнего упокоения Кимберли находится в беспорядке.

Мне бы не хотелось, чтобы оно выглядело как... как эта могила.

Я останавливаюсь и смотрю на маленькое надгробие, обвитое засохшим плющом; на камне выбито всего одно слово: «ПРОЩАЙ». Ни имени, ни даты – ничего.

Черт, как грустно. Голова раскалывается от боли, я пошатываюсь, щурясь, вглядываюсь в буквы, пока жжение в голове не начинает проходить.

Интересно, что за человек лежит под этим могильным камнем. Помнит ли о нем кто-нибудь?

Наконец боль проходит, и тогда я вытягиваю из букета фиолетовый цветок и осторожно кладу на одинокое надгробие.

Не знаю, зачем я это делаю, но мне кажется, что кто-то должен, особенно учитывая, что соседняя могила окружена морем розовых цветов – они покрывают весь участок. Большие треугольные лепестки очень яркие, сразу бросаются в глаза. Не знаю, почему не обратил на них внимания в первую очередь.

Легко касаюсь одного цветка. Думаю, у мамы в саду были такие же цветы. Несколько лет назад она пыталась их выращивать, летом они так сильно пахли, что по утрам аромат проникал в окно кухни.

Как же они назывались?

Перебираю все известные мне названия цветов в алфавитном порядке, а дойдя до середины алфавита, понимаю, что страшно опаздываю.

Заставляю себя встряхнуться. Давай, Кайл, шевелись.

Прохожу еще несколько шагов по дорожке, думая то о розовых цветах, то о слове «ПРОЩАЙ», выбитом на надгробии. Что-то тут не так, но что именно? Я так глубоко погружаюсь в размышления, что чуть не прохожу мимо нужного

участка.

КИМБЕРЛИ НИКОЛЬ БРУКС. ПОКОЙСЯ С МИРОМ.

У меня перехватывает дыхание.

Участок, на котором помещается ее могила, не зарос травой и не находится в небрежении. Вообще-то, возле надгробия лежит огромный букет тюльпанов насыщенного синего цвета, только у самого основания ровных лепестков проглядывает сиреневый оттенок.

Синие тюльпаны.

Смотрю на букет ирисов, который держу в руках. Черт. Определенно, Ким больше всего любила синие тюльпаны. Я прямо-таки слышу, как она говорит, что любит эти цветы, потому что они подходят к ее глазам.

Эти ирисы – единственные цветы, что я когда-либо ей дарил. Будь Ким здесь, она бы не разговаривала со мной до вечера, а может, дулась бы целую неделю, если бы почувствовала себя очень сильно оскорбленной.

Боже, я любил ее, но терпеть не мог, когда она так себя вела.

Я люблю ее, поправляю я сам себя. И всегда буду ее любить. Какого черта я думаю об этом сейчас?

Кладу свой грустный букет ирисов рядом с тюльпанами, и моя ладонь касается грубого серого камня. Кончиками пальцев обвожу ее имя. Спустя несколько месяцев я всё-таки оказался здесь.

– Ким...

Умолкаю, кладу ладонь на могильный камень; все чувства, которые я долго копил в себе, разом всколыхнулись в моей душе. Я не могу этого сделать. Не могу здесь находиться. Еще рано.

И всё же я делаю глубокий вдох и пытаюсь начать снова.

– Я... Не могу поверить. – Качаю головой. В горле саднит. – Не верю. Но я каждый день сталкиваюсь с реальностью. Каждый день просыпаюсь – а тебя нет.

Висок пронизывает острая боль, распространяется из одной точки по всей голове горячей, жгучей волной. Тру висок пальцами и борюсь с собой, силясь подобрать слова.

– Если бы можно было повернуть время вспять, я не стал бы так злиться на вечеринке, – говорю наконец. – Я бы не стал давить на тебя во время того разговора в машине. Я бы выслушал тебя, когда ты сказала, что хочешь...

«Я хочу узнать, какой станет моя жизнь, если, обернувшись, я не увижу тебя». Сглатываю. Слова Кимберли снова и снова звучат у меня в голове. Они причиняют боль, но эта боль слабее той, к которой я привык.

Дело не в моей боли.

– Я дал бы тебе возможность побыть наедине с собой, личное пространство. Я бы... позволил тебе водить машину. – Я издаю хриплый смешок. – Ты бы определенно над этим посмеялась.

Я почти слышу ее смех. Почти.

Снова открываю рот, так много хочу сказать, но все мысли

перепутываются, от горя я не могу облечь их в слова. Крепче сжимаю край надгробия, скорбь внутри меня всё растёт, грозя захлестнуть меня с головой, и мой поврежденный мозг взрывается.

Острая, колющая боль пронизывает мой висок, крохотные искорки света пляшут справа и слева от меня.

Проклятье.

– Давным-давно жил-был один юноша... – Раздается у меня за спиной чей-то голос, мягкий и спокойный, но от него у меня мурашки бегут по коже.

Сначала сквозь пелену боли мне кажется, что это Ким. Еще одна галлюцинация.

Но голос принадлежит не ей.

Я быстро поворачиваюсь, ожидая увидеть кого-то, но вокруг только шелестят кроны деревьев. Мое зрение затуманено, но постепенно проясняется. Пульсирующая боль давит изнутри на мои глазные яблоки, поэтому я крепко зажмуриваюсь и тру виски, пока боль немного не стихает, так что у меня хватает сил достать из кармана пузырек с обезболивающим.

Борюсь с крышкой, специально сконструированной так, чтобы ребенок не смог ее открыть, наконец вытряхиваю на ладонь две таблетки и глотаю, не запивая.

Но голос не умолкает.

– Ему было грустно и одиноко. – Эхом раздается у меня за спиной.

На этот раз, когда я оборачиваюсь, в голове у меня проясняется, и я вижу девушку в солнечно-желтом свитере, стоящую в нескольких шагах от меня, среди моря розовых цветов. У нее длинные, вьющиеся каштановые волосы, кажется, они слегка колышутся, синхронно с ветвями деревьев.

Она смотрит на меня так неуверенно, что я поневоле задаюсь вопросом, не принадлежал ли тот мягкий голос кому-то другому. Но кроме нас двоих тут никого нет.

Тру глаза и пытаюсь сфокусировать взгляд. Есть в этой девушке что-то... знакомое. Она учится в старшей школе Эмброуз? Не думаю. Я знал почти всех учившихся там ребят и непременно ее запомнил бы.

– Привет, – говорю я, протягивая руку.

Определенно, такого неловкого жеста мир еще не видел.

Девушка оглядывается через плечо, словно ожидает увидеть там того, к кому я обращаюсь.

– Я тебя знаю? – спрашиваю я, когда она снова поворачивается ко мне.

Я всё пытаюсь вспомнить, где видел ее лицо, мой мозг мечется между спортивными лагерями, футбольными матчами и школьными коридорами. Она отрицательно качает головой, и, хотя я мог бы поклясться, что уже видел ее раньше, решаю не настаивать. – Ты что-то сказала? Только что?

Девушка молчит, словно колеблясь, в ее больших глазах читается любопытство – а может, удивление или смущение от того, что я примерно полторы минуты не мог открыть

крышку пузырярка.

– Не думала... что ты меня услышишь, – говорит она.

Делаю шаг вперед и замечаю россыпь веснушек у нее на носу.

– Я услышал, как кто-то разговаривает. Это была ты?

Незнакомка глядит на меня настороженно, словно не уверена, отвечать или нет.

Пристально смотрит мне в глаза.

Мне следовало бы повернуться обратно к могиле Ким, ведь я здесь только ради нее, но вместо этого с моих губ слетает вопрос:

– «Давным-давно», верно?

Девушка, не отрываясь, смотрит мне в глаза, эти слова повисают между нами.

Она заправляет прядь волос за ухо, ее щеки розовеют.

– Я... рассказываю истории, – произносит она и слегка касается одного розового цветка.

– Истории? Вроде... сказок?

– Да, – отвечает она и едва заметно улыбается. – Именно так. Что-то вроде сказок.

– Это круто, – говорю я, останавливаясь перед ней.

Нас разделяют розовые цветы. Девушка обула в желтые кеды и мыском ноги вычерчивает на земле перед собой полукруг. Больше она ничего не говорит, поэтому снова заговариваю я.

– Как тебя зовут?

Однако она спрашивает одновременно со мной:

– У тебя болит голова?

Моя голова? Я касаюсь шрама на лбу. А мне казалось, что под отросшей челкой его не видно.

Провожу по шраму кончиком пальца. Боль еще пульсирует в висках, но уже не такая сильная, как раньше.

– Как ты?...

– Марли, – говорит она, и снова наши фразы звучат одновременно. – Меня зовут Марли.

Марли. Это имя мне не знакомо, но ее лицо я определенно видел прежде.

– А я Кайл, – говорю я, радуясь, что наши реплики перестали накладываться друг на друга. – Кайл Лафферти.

Марли кивает и несколько секунд изучающе рассматривает мое лицо, потом говорит:

– Еда помогает. В борьбе с головными болями. – Я неосознанно смотрю на ее губы. Розовые, красиво очерченные, уголки чуть приподняты – они похожи на два лепестка. – Может, тебе поесть? Уже время обеда, – продолжает она.

Резкая боль пронзает мой висок, но проходит прежде, чем я успеваю его коснуться.

– Хочешь... пообедать? – спрашивает Марли.

– О, – тяну я, наконец уловив суть ее вопроса. У меня внутри всё холодеет. Я здесь не для того, чтобы заводить друзей, я пришел ради Ким. Качаю головой и делаю движение, чтобы отвернуться от Марли. – Нет. М-м-м, я лучше пойду.

– Но ведь ты голоден, – замечает она.

Я уже открываю рот, чтобы возразить, но тут, как по заказу, мой желудок громко, протяжно урчит. Марли прячет улыбку. С трудом сдерживаюсь, чтобы не улыбнуться в ответ, хотя ситуация действительно забавная. Для меня сейчас засмеяться – всё равно что свободно заговорить по-китайски. Но ощущения... приятные.

Марли права. Я действительно голоден, но... если я отправлюсь обедать с ней, то уйду, так и не поговорив с Ким.

Пусть я понятия не имею, что говорить, но будет неправильно вот так взять и переключиться на другие занятия.

Раз уж я сейчас не могу поговорить с Кимберли, вероятно, мне следует пойти домой.

– Спасибо, но я правда не могу, – говорю я. Прихрамывая, прохожу по дорожке мимо девушки и направляюсь к воротам.

– Ой. Ты уходишь, – бормочет она.

Что-то в ее голосе заставляет меня остановиться и обернуться.

Я вполне готов пуститься в дальний обратный путь к дому, но Марли заправляет прядь волос за ухо, в ее карих глазах мелькает надежда.

«Шагай дальше».

Хочу уйти, но не могу сдвинуться с места, ноги отказываются подчиняться голосу разума.

Марли делает шаг ко мне, но потом, видя, что я ничего не

говорю, сует руки в карманы и отводит взгляд.

Может, ей одиноко? Кладбище – не то место, где люди обычно проводят время в середине дня.

Полагаю, можно немного задержаться. Последние три месяца я общался только с мамой. Иногда еще с Сэмом, но в основном с мамой. Пожалуй, это не вполне нормальное поведение для восемнадцатилетнего парня, но я больше не знаю, что значит быть нормальным.

Я снова смотрю на девушку. Ну в самом деле, это же просто обед. Всё равно я собирался пойти домой и съесть миску овсяных хлопьев или что-то в этом роде.

Марли едва заметно мне улыбается, как будто читает мои мысли.

– Итак... – произносит она.

– Давай пойдем, пообедаем? – предлагаю я.

Она улыбается так ослепительно, что меркнет солнце, глаза сияют ярче, карие радужки начинают отливать зеленью.

Очень заразительная улыбка. Я вдруг ловлю себя на том, что тоже улыбаюсь: моя первая искренняя улыбка за несколько месяцев. Приятно для разнообразия порадовать кого-то.

– С большим удовольствием, – отвечает Марли.

Мы вдвоем идем к кованым воротам. Я колеблюсь, обернувшись, смотрю на могилу Кимберли. Не знаю, чего я ждал, но определенно не этого. Мысленно обещаю Ким, что вернусь, что в следующий раз подберу нужные слова, но ее го-

ЛОСА В ОТВЕТ НЕ СЛЫШУ.

Глава 9

Несколько минут спустя я останавливаюсь как вкопанный, поняв, где мы оказались.

Здесь? Это шутка? Из всех мест, в которые я мог бы нас привести, ноги сами собой принесли меня именно сюда, и вот уже извилистая дорожка парка выводит нас к...

– О, я так люблю этот пруд, – говорит Марли.

Я искоса смотрю на нее.

– Ты уже здесь бывала?

Она кивает, и у меня в голове встает на место последний кусочек пазла. Может, она поэтому кажется мне знакомой? Наверное, я видел ее, когда приезжал сюда с Сэмом и Кимберли.

Пруд был нашим самым любимым местом, потому что по вечерам на его берегах было мало народу, а по ночам и вовсе безлюдно.

Вокруг пруда нет никаких огней, и темная водная гладь, окруженная деревьями, принадлежала лишь нам одним. Когда Ким получила место капитана чирлидеров, мы пили здесь шампанское из красных бумажных стаканчиков, а в конце первого года старшей школы, после удачного завершения футбольного сезона Сэм стоял на большом камне и вскидывал вверх кулак, в день, когда зашла речь о том, чтобы отправить его в национальную сборную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.